

A detailed illustration of a young woman with long, wavy brown hair, wearing a black top and a dark hat with a white rose. She is playing a golden saxophone. The background is dark blue. In the top right corner, there is a white circle with the text '16+'.

16+

*Когда игра
становится
важнее жизни...*

АЛЁНА ЗАНКОВЕЦ
ДЕСЯТОЕ ЖЕЛАНИЕ

Алена Занковец

Десятое желание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68341000

SelfPub; 2022

Аннотация

Их связали случай и игра... Десять желаний, которые надо выполнить, чтобы получить приз. Но постепенно игра становится самой жизнью. И теперь важнее приза – важнее всего остального – становится ответ на вопрос: каким будет десятое желание? И что произойдет, когда игра закончится?

Алена Занковец

Десятое желание

Глава 1. Квартирантка

Дверь подъезда с грохотом закрылась у Кати за спиной. В темноте усилился холод бетонных стен, обострился тошнотворный запах. Этажом выше наотмашь ударила оконная створка.

Бежать отсюда! Но куда? Ночевать на вокзале?

Катя включила на мобильном фонарик. Луч света выхватил замызганные ступени и распахнутые дверцы искореженных почтовых ящиков. Она поводила телефоном по сторонам, опасаясь увидеть ночлежку бомжей, но в углах прятались только тени.

Ладно, нужно просто подняться по лестнице...

Просто толкнуть незапертую дверь тамбура.

Просто протиснуться между картонных коробок и прочего хлама.

Все. Тот самый адрес.

От пронзительного дребезжащего звонка, казалось, заложило уши, но хозяин квартиры его не слышал. Или, что намного хуже, дома никого не было. Тогда придется...

– Кто? – сухо прозвучал мужской голос.

– Я по объявлению.

Дверь распахнулась, и у Кати перехватило дыхание. Мужчина, нависающий над ней, мог сойти за демона этой панельной преисподней. Худощавый, бледнокожий, с волосами цвета ржавчины до самых плеч. И такими яркими зелеными глазами, каких Катя еще не видела.

Пьяный? Сумасшедший?

Пьяный сумасшедший?

На нем были черные брюки с отутюженными стрелками и белоснежная рубашка. Распахнутая. Ее край прикрывал табуировку возле ремня: то ли цветок, то ли птицу.

– Чего застыла?

Катя перешагнула порог и нагнулась, чтобы снять ботинки. Мельком глянула по сторонам в поисках того, что заставило бы ее сбежать. Но в прихожей было чисто и прибрано. На полке стояла фотография миловидной блондинки, слишком обычной по сравнению с этим рыжим.

Хозяин квартиры терпеливо ждал, пока гостя возилась с застежкой.

– Налево – кухня. Направо – комнаты. Твоя и моя.

Катя заглянула в приоткрытую дверь «своей» спальни.

– Обстановка скромная, как я и говорил, – мужчина подошел ближе, чтобы включить свет, и Катя глубоко втянула воздух: нет, не пьян.

Скромная – подходящее слово. Древний шкаф. Продавленный диван. Стол со стулом как у преподавателей в ее быв-

шей сельской школе. На полу потертый линолеум.

А что ты хотела за такие деньги?

– Могу я заселиться сегодня? – как можно увереннее произнесла Катя и тут же исправилась: – Сейчас?

Мужчина просканировал ее взглядом с головы до пят, словно проверял, достойна ли она жить с ним в одной квартире. Катя невольно заложила за ухо прядь волос, которая выбилась из пучка на затылке. Одну руку спрятала в карман наглухо застегнутого темно-синего плаща. Второй принялась теревить ляжку спортивной сумки, переброшенной через плечо.

– Плата за месяц вперед, – наконец, произнес он.

Несколько секунд Катя стояла, не шевелясь, потом спохватилась, полезла в карман.

– Держите, – и на всякий случай приврала: – Это все, что у меня есть.

– А питаться будешь из мусорки? – спросил мужчина без зла, с любопытством.

– Я заработаю.

– За ночь? Впрочем, я тоже работаю по ночам. Располагайся. – И он ушел, плотно закрыв за собой дверь.

Катя опустилась на диван, подышала на ледяные ладони.

В коридоре скрипнул шкаф, о дверцу ударилась вешалка. Сердце болезненно отзывалось на каждый звук.

– Вернусь часа через три. Если захочешь прогуляться, ключи в коридоре за фотографией, – донеслось из коридора.

Вот так просто? Ключи – первой встречной? Даже паспорт не попросил.

– Ладно.

Хлопнула входная дверь, щелкнул замок.

В первую минуту стало спокойнее: по крайней мере, ночью этого странного человека не будет рядом. Но потом снова накатила паника.

Конечно, ни замка, ни задвижки.

Катя подперла спинкой стула дверную ручку. Проверила – не опускается. Хоть на минуту это его задержит. А минуты ей будет достаточно.

Открыла окно, выглянула в темноту: до земли метра два. Сойдет.

Легла. Вскочила. Схватила сумку. Рывком отдернула шторку.

Да, минуты будет достаточно.

...Но что делать потом, ночью? В незнакомом городе? Почти без денег?

Не раздеваясь, Катя легла на диван. Наволочка пахла свежестью. Где-то в квартире тикали часы, за стеной урчал холодильник. Так привычно, по-домашнему. Она закрыла глаза, прислушалась к себе. Паника отступала: ладони потеплели, лоб уже не горел, пульс не разрывал виски. Дыру в животе, что проел страх, наполнило ноющее чувство усталости. Одной быть не страшно. Неуютно, но не страшно.

Я сильная и смелая. Я добыюсь всего, чего захочу.

Сквозь приоткрытые створки окна просачивался ветер, надувал шторы. Не стоило кутаться в одеяло, погружая себя в тепло, лелеять ложное чувство безопасности. Но веки опускались.

...Я сильная и смелая.

Она повернулась на бок и, зажав ладони под мышками, мгновенно провалилась в глубокий, тяжелый сон.

* * *

Деньги закончились.

Ян насмеялся над теми, кого это обстоятельство выбивало из колеи. У него деньги заканчивались постоянно, но тут же появлялись. Деньги, как женщины, липнут к тому, кому на них наплевать.

Да, деньги к нему липли. Они находили сотни способов оказаться у Яна в кармане. Оброненное кем-то портмоне на заднем сиденье такси. Покер с незнакомцами. Глупый спор. Или моментальный отклик на объявление о сдаче комнаты. Какой-то древний денежный божок любил и баловал его, как единственного сына. И сегодня Ян собирался навестить своего «папашу».

Он вытянул руку, останавливая такси.

Пустынные улицы, залитые дождем и фонарным светом, скользили за окном, плавно притормаживая на светофорах. У казино машина остановилась. Ян расплатился с шофером.

Сдачу не взял. Теперь у него осталась только одна купюра.

Охранник кивнул на входе.

– Давно вас не видели.

Ян подмигнул в ответ.

На первом этаже казино находился зал для обычных клиентов: игровые автоматы, столы с низкими ставками. Здесь всегда было шумно и накурено, а в особо «рыбные» дни дым от сигарет стоял такой, что люди казались тенями. Ян прошел мимо открытой двери и поднялся на второй этаж, где ставки начинались от ста долларов.

Войдя в vip-зал, он остановился. Здесь пролегал барьер между двумя мирами. Сонным, тоскливым, предсказуемым – тем, что остался позади. И другим – дразнящим, сверкающим. Он пах азартом, жаждой наживы и отчаяньем.

Мир, в котором женщины не старели.

– Я уж подумала, ты забыл обо мне, – яркая шатенка в черном вечернем платье, расшитом стразами, подошла почти вплотную и, прикрыв глаза, медленно вдохнула. – Спасибо, что принес свой запах...

Если казино – храм, то она была его жрицей. К слову сказать, там «служили» и другие женщины, помеченные бутонном чайной розы в изысканных прическах. Томно просили прикурить или угостить вином, артистично тянулись через стол, чтобы сделать ставку. Но из них только Мадлен умела носить свою розу с королевским величием.

Сколько авантюристов потеряли из-за нее голову и день-

ги, трудно представить. Но еще труднее понять, почему она, не задумываясь, бросала очередную жертву и устремлялась к Яну, у которого с собой каждый раз была только одна купюра.

Одна купюра. Одна ставка. Один выигрыш.

Это правило.

– Может, попробуешь что-нибудь новое? Я могу посоветовать, – Мадлен ноготком пересчитала пуговицы на его рубашке.

– Что ты можешь посоветовать? Ты же шлюха, – Ян мимоходом поцеловал ее в висок и направился к обменнику.

Одна купюра. Одна ставка. Один выигрыш.

Так повторялось восемь лет. В жизни Яна не было ничего более постоянного. Рулетка раскрутится, шарик совершит несколько плавных оборотов – и замечется, выбирая ячейку. Он упадет на черное. Всегда – на черное. Выигрыш будет не ахти какой, но он привлечет удачу, и деньги не заставят себя ждать.

– Делайте ваши ставки, господа, – произнес крупье дежурную фразу, хотя из «господ» был только Ян.

Шарик рванул по ободу против движения колеса.

– Ставки сделаны, ставок больше нет.

В ожидании результата Ян спрятал руки в карманы. Шарик совершил оборот, второй... Этот звук успокаивал, убаюкивал. Вызывал образы, далекие от реальности, но словно с ней связанные. Лунная ночь, ветхий дом на отшибе, косма-

тая старуха-колдунья дряхлой рукой водит шарик по столу – заговаривает на удачу. Третий круг, четвертый... Ни грамма волнения. Восемь лет одно и то же.

Мадлен подошла сзади и уперлась подбородком ему в плечо. Может, это ее и притягивало? Постоянство? В казино постоянство – больше, чем чудо.

Красное.

Ян моргнул. Разве он ставил на красное?

Мадлен неслышно отступила.

Нет, на черное. Как всегда – на черное.

Ян протянул руку к горлу, пытаюсь развязать невидимый узел.

Такого не могло быть. Он зло глянул на крупье, убирающего фишки. Его фишки. Его деньги. Его последние деньги!

Ян чувствовал, как из самой его глубины начинает сочиться что-то гадкое, черное, вязкое, из-за чего хотелось швырнуть первое, что попадет под руку, в непроницаемое лицо служителя Фортуны. На этом лице ничего не изменилось, словно не он столько лет отсчитывал Яну выигрыш.

Мадлен что-то говорила, но Ян ее не слышал. Нарочито медленно зашел в уборную, оперся руками об умывальник. Отражение в зеркале дергалось и дрожало, словно помехи в телевизоре. Ян зажмурился – и открыл глаза. Отражение замерло.

Надо что-то придумать. Но что?.. Что вообще можно придумать в такой ситуации?!

Он стер запястьем испарину со лба.

Мир пошатнулся, дал трещину. И теперь Ян смотрел в эту пропасть, понимая, что, возможно, пути назад уже нет.

Дело было не в деньгах. Совсем не в деньгах.

Он умылся ледяной водой. Промокнул лицо бумажным полотенцем.

– Помнишь, ты одолжил мне сотню? – прозвучал у двери голос Мадлен.

– Возможно, – машинально ответил Ян и швырнул в урну скомканное полотенце. Оно отскочило от обода ведра и упало на черную блестящую плитку. Руки все еще дрожали.

Нет, не одалживал, он вспомнил.

Мадлен выудила из декольте зеленую купюру.

– Возвращаю.

Ян подошел ближе. Посмотрел ей в глаза, потом на купюру.

– Купи мне фишку. Я буду через минуту.

Он тщательно вымыл руки. Поправил рукава рубашки. Стянул волосы резинкой. Перед выходом сделал глубокий вдох – и распахнул дверь. Игровой зал, черно-красный, сверкающий позолотой, спокойно обгладывал очередных жертв – как пять минут назад. Как пять лет назад.

В казино нужно быть хладнокровным, решительным и осторожным. Как в клетке со львом. Что ж, даже у лучших дрессировщиков случаются осечки.

Ян поставил на черное. И выиграл. Снова на черное – и

опять повезло. В третий раз он не стал испытывать судьбу.

«Фортуна заигрывала со мной», – думал он, возвращаясь домой на такси. Она же дама. Ей можно. Но что-то внутри беспокойно билось, пульсировало в солнечном сплетении. Ян перевел взгляд на окно. Пустынные улицы, залитые дождем и фонарным светом, плавно скользили, притормаживая на светофорах.

Глава 2. «Сладим»

Створка окна глухо хлопнула. Штора приподнялась, впус- тив в комнату запах дождя.

Это было худшее утро за последний месяц. За всю жизнь.

Насморк из-за открытого на ночь окна. Желание изба- виться от своего рта из-за нечищенных – уже сутки – зубов. Тело казалось таким же помятым, как плащ, в котором она заснула.

– Я добьюсь всего... – хриплым спросонья голосом произ- несла она – и не услышала окончания фразы, смытого оглу- шительной музыкой. Ощущение было такое, словно на голо- ву обрушился потолок.

Катя зажала уши руками. Истошный вой вперемешку с ре- вом электрогитары просачивался сквозь пальцы и сверлил в самой чувствительной части головы. Соседи принялись мо- лотить по батарее чем-то металлическим и тяжелым.

Может, это и есть ад?!

Сколько же всего ей пришлось пережить, чтобы в итоге получить вот это...

Двадцать часов назад она сошла на перрон. Даже багаж не стала сдавать: села в автобус, улыбнулась водителю.

Дверь квартиры открыла тучная женщина с лицом цвета потертой картошки. В кулаке она сжимала пожелтевшее кухонное полотенце.

– Здравствуйте, я Катя! По поводу комнаты.

Из недр квартиры донесся приглушенный мужской мат. Женщина, крикнув, погрозила коридору кулаком с полотенцем.

– Ну?

– Вера Федотовна?

– Нет ее. Все, уехала.

– То есть комнату вы не сдаете? Хотя бы на пару дней?

– Ты что, глухая? – женщина захлопнула дверь.

Катя вышла во двор и, сев на скамейку, подставила лицо солнцу. Так сложно было найти подходящий вариант: и чтоб недорого, и чтоб подождали до ее приезда. Вот она, ошибка в расчетах. Человеческий фактор. Но даже такую вероятность Катя предусмотрела: записала в блокнот контакты агентств недвижимости. Нашла ближайший адрес, набрала номер.

Она не сразу решилась поставить подпись. Сумма, указанная в договоре, была катастрофически велика.

– Дороговато за три адреса.

Девушка, на вид ее ровесница, хлопнула кукольными рес-

ницами.

– Не я расценки придумываю.

– Какие гарантии, что комнаты не займут до моего приезда?

– А вы сами позвоните, договоритесь. Рекомендую вот этот вариант, – девушка ткнула пальцем в договор. – Только что в базе появился. Квартирка в центре. Хозяйка все время в разъездах. И недорого – как вы просили. Набрать номер?

Женщина с голосом оператора справочной службы великодушно согласилась дождаться квартирантку.

Но дверь открыл мужчина кавказской наружности, одетый в заношенный спортивный костюм. Из растянутого выреза майки торчали седые волосы. Он не давал объявления о сдаче комнаты. Впрочем, она все равно может зайти.

Катя бросилась вниз по лестнице. Сумка, за день оттянувшая плечо, в те секунды казалась невесомой.

Оставалось еще два телефонных номера. Один бесконечно долго сверлил душу длинными гудками. По второму сработал автоответчик. Крепко сжимая переносицу, чтобы не расплакаться, Катя перечитала договор. Агентство лишь предоставляло адреса, никакой ответственности.

Обманули!

Дурочка...

Провинциалка...

Вернулась на вокзал. Купила в кафе чай в пластиковом стаканчике и долго цедила его за стойкой у окна. За стек-

лом, подрагивая, словно репетируя, зажигались фонари. Из-за угла, позвякивая, то и дело выползали трамвайчики. Катя провожала их взглядом, потом снова и снова обновляла страницу в браузере телефона.

...Сдам квартиру, квартира на сутки, комната дорого...

Она сделала пару безрезультатных звонков.

Снова и снова...

А затем появилось оно. Как чудо. Когда уже не было никакой надежды.

«Комната на месяц, срочно, предоплата. Окно с видом на парк».

Катя набирала телефонный номер и улыбалась.

Окно с видом на парк...

Помедлив, Катя убрала ладони от ушей. Музыка не то чтобы стихла, но, по крайней мере, уже не сбивала дыхание. Соседи перестали молотить по батарее.

Ладно, быстро привести себя в порядок – и на улицу.

Перекинув полотенце через плечо, она выскользнула в полумрак коридора и налетела на хозяина квартиры. Опустила взгляд – и тотчас же пожалела об этом. Выдохнула «прости-те!», уже захлопывая дверь своей комнаты. Прижалась к ней спиной.

Боже...

Взглядом отыскивала стул, которым на ночь подпирала ручку. Далекое, не дотянуться. Только, если отойти от двери. А

этого она не сделает ни за что.

Как стыдно-то!

Она так и стояла, пока через четверть часа не хлопнула входная дверь. Подождав на всякий случай, Катя на цыпочках вышла в коридор. Мужчины не было дома, она знала это, не заглядывая в чужую спальню. Просто на душе стало спокойно. Теперь даже дышалось по-другому: легче, свободнее, и звуки чужого дома стали казаться мягкими и вкрадчивыми, почти родными.

Пока переодевалась и чистила зубы, проснулся голод. Катя доела соленые орешки – нашла полупустой пакетик на дне сумки. Голод лишь стал сильнее. Она открыла крышку мусорного ведра, чтобы выбросить скорлупу, и застыла. Сверху, сияя желтой кожурой, лежал недоеденный банан.

Выходя из квартиры, Катя все еще ненавидела себя за те секунды, которые прошли, прежде чем она отпустила педаль мусорного ведра. И за то, что незаметно для себя облизала губы.

* * *

Немного «Марсов», чтобы проснуться.

Не вставая с кровати, Ян нажал на пульте play и поставил звук на максимум. Музыка взорвала воздух, разложила тело на молекулы.

Этот рев перерождает душу, вытеснял из нее все лишнее.

Точнее, вообще все. И оставлял пустоту такую же оглушительную, как музыка снаружи. Сегодня это было необходимо. Чтобы даже воспоминаний не осталось о том, чужом, человеке в казино, который этой ночью смотрел на него в зеркале. Чтобы пальцы перестали ощущать теплую шершавость купюры, выуженной Мадлен из декольте. Купюру, до которой он даже не дотронулся.

«Марсы» всегда помогали. Лекарство от душевного похмелья.

Ян уменьшил звук и пошел в ванную. О том, что в соседней комнате поселилась квартирантка, он вспомнил только в коридоре, когда едва не смел ее с дороги. Похоже, едва знакомый обнаженный мужчина не был частью ее обычного утра.

– Простите... – пролепетала она и скрылась в своей комнате.

Бедняжка. У девушки, которую смущает даже общение на «ты», день явно не задался. Впрочем, жалость быстро сменило раздражение. Деньги за аренду комнаты уже сыграли свою роль, а пугливая незнакомка задержится у него на четыре недели. Хотя... еще пара таких столкновений в коридоре, и она сбежит сама.

Холодный душ, большая чашка кофе – и на улицу. Дневное веселье отличается от ночного, и в нем есть своя прелесть.

* * *

Катя села у окна. В том, как трамвай, постукивая, покачиваясь, скользил по рельсам, было что-то ненастоящее, что-то из детства, из сказок. Толпа на остановке – сплошное месиво из курток, зонтов и капюшонов – поглощала ее, давила и норовила выбросить на проезжую часть. А здесь, в полупустом вагоне, было спокойно.

Трамвай подвез до высотки, словно состоящей из зеркальных окон, в которых отражались взбитые в пену сизые облака. В этой стеклянной башне Катю ждали на собеседование – одно из шести, предстоящих в ближайшее время. На зарплату, обещанную здесь, можно было не только выжить, но и помочь родителям с кредитом на холодильник.

Поднимаясь на крыльцо, Катя увидела, как по ступенькам сбегал хозяин ее съемной комнаты. Замерла от неожиданности. Окликнуть? Поздороваться? Арендодатель прошел мимо, не обратив на нее внимания.

* * *

– Сдачи не надо.

Ян вышел из такси и поднял голову, проверяя, горит ли свет на седьмом этаже. Подумать только, не повернись удача к нему лицом, он мог бы и сам сидеть в том кабинете. Или стоять у окна, выглядывая в щель жалюзи мужчину, прику-

рившего сигарету прямо перед табличкой «Не курить!»

Газо всегда звонил первым. И то, что Яну пришлось ехать сюда самому, было плохим знаком.

К черту знаки.

Он бросил окурок в уродливую мусорку возле входа.

Все познается в мелочах.

Когда-то арендовать офисы в этом здании считалось престижным, но теперь от бывшего лоска бизнес-центра не осталось и следа. Грязные стекла в лифте. Побитая плитка в коридоре. Несколько лампочек неисправно трещали и вспыхивали, как в фильмах ужасов.

Из нового в «Сладим» была разве что секретарша. Газо нравились блондинки.

Красивый рот. Яркая помада. Секретарша походила на девушку с глянца – только со страниц журналов особого рода. И при этом строгий костюм. Насколько может быть строгим костюм, обтягивающий бюст четвертого размера. Даже любопытно, как Газо проводил с ней собеседование и какие устные требования при этом выдвигал.

Когда секретарша открыла дверь, Газо как раз прицелился, чтобы бросить скукоженную бумажку в мусорное ведро. Но, увидев Яна, отложил ее.

– Хотел бы спросить, какими судьбами, но точно знаю, зачем ты пришел.

Газо приподнялся, протянул руку. Слабое влажное пожатие – Ян едва сдержался, чтоб не поморщиться. Мятая ру-

башка, наверняка вчерашняя или того хуже, пыталась обтянуть живот, похожий на тесто, вылезавшее из кадушки. Кожа рыхлая, дряблая. На лысеющей макушке – испарина. Неужели они ровесники?

– Кофе без сахара?

Вместе с заискивающей интонацией вопроса Ян насчитал достаточно признаков, чтобы понять: своего он не получит.

– Пожалуй.

– Наташа, ты слышала.

Ян хмыкнул. Газо называл Наташами всех своих секретарш.

– У меня сейчас тесновато в квартире, – Ян крутанулся на стуле, рассматривая коробки, расставленные по периметру кабинета. Архив... Архив... Архив... Затраты... Зарплата... – Хочу слетать куда-нибудь недели на две-три. Составишь компанию? Море... Мурки... Как в старые добрые времена.

Газо задумался.

– Время неподходящее, – с тоской в голосе ответил он. – Нужно штат сокращать, налоговая. А денег нет.

– А мои деньги у тебя есть?

– Половина суммы.

Ян откинулся на спинку стула. Газо всегда отдавал полностью. Три года одалживал суммы, большие, маленькие, но всегда возвращал. Еще и пару процентов довешивал в знак благодарности. И вот теперь – «половина суммы». Ян снова

испытал то же чувство, что и в казино. Словно удача ускользала от него, словно что-то неуловимо и безвозвратно менялось.

– Ян, дружище! Я же всегда отдавал! Ну времена такие!

Ян отрешенно смотрел в окно. Текучие облака были куда интересней оправданий Газо.

– Да ладно, дружище! – Газо встал из-за стола, но близко к Яну не подошел. – Все знают, как только тебе понадобятся деньги, так сразу помрет какая-нибудь твоя дальняя родственница и завещает остров. Или во время отпуска, в который ты собрался, тебя укусит собачка, и ты отсудишь пару сотен у хозяев. Это мне нужно пахать и собирать по рублю. Так что прости уж.

Ян перевел взгляд на Газо.

– Это мои деньги. Каким бы способом они ко мне ни приходили.

– Согласен! – Газо, сдаваясь, поднял руки. – Ситуация такая. У тебя когда-то тоже была ситуация, помнишь? И если бы не я...

Секретарша, приоткрыв дверь носком изящной туфельки, принесла поднос с чашкой кофе и плетеной корзинкой с печеньем. Красиво изогнулась, расставляя посуду на столе. Мимолетно улыбнулась Яну. Пышная, напудренная.

Интересно, какая она в бикини?

– Как тебя зовут? – Ян взял чашку из рук секретарши, задержав ее ладонь в своей.

«Наташа» скосила взгляд на Газо.

– Милена.

– А меня Ян. Хочешь на Кубу на три недели?

Милена прикусила губу. Вот и ответ.

– Газо, девушка три недели поработает на меня. Будем считать это компенсацией за мое ожидание.

Газо кивнул.

– Это честно.

* * *

Должность, на которую Катя могла рассчитывать в ОАО «Сладим», была не самая шикарная – помощник экономиста. Зато предприятие крупное. А значит, с возможностью карьерного роста. Если показать себя: не лениться, быть исполнительницей, сообразительной, шустрой, если временами задерживаться на работе, если по утрам не опаздывать – можно пойти выше. Экономист, начальник отдела, а там и заместитель директора по финансовым вопросам. Женщин редко назначают на такую должность, но всегда есть исключения.

Стеклянные двери разъехались, едва Катя к ним подошла. Мужчина за стойкой – костюм с иголочки, до блеска начищенные туфли – проверил ее документы. Поплыл панорамный лифт, поднимая Катю над куполами кленов, машинами, яркими, шустрыми, словно игрушечными, спешащими

людьми, которые все больше напоминали муравьев.

У лифта ее встретила блондинка телевизионной внешности. Яркая, привлекательная, продуманная до кружевного платочка в кармашке на вид безумно дорогого пиджака. Даже имя секретарши – Милена – звучало завораживающе.

Катя шла по коридору, облицованному плиткой, и от этого казалось, что лампочки не только горели на потолке, но и сверкали на полу и на стенах. Танцевали, легко пружинили в такт Катиным шагам. Ей было волнительно и немного страшно. Вот какой будет ее новая жизнь. Совсем не похожей на жизнь родителей. Никаких потолков с плесенью, рабочего телефона, обмотанного изолентой, теплых сапог в офисе – в таком здании не может быть проблем с отоплением.

Милена распахнула дверь – и Катя оказалась в просторном кабинете, разделенном на рабочие зоны низкими перегородками. Следом вошел парень, неся на бумажной подставке стаканчики с кофе. Упоительный аромат.

Никому из работников не было до Кати дела. Но даже в этом чудилось что-то прекрасное. Она хотела также сидеть, копаясь в цифрах, высвеченных на огромном плоском мониторе, и не обращать внимания на новеньких – на провинциалок, ищущих работу.

– Проходите.

На ходу пробегая глазами анкету, Милена распахнула дверь кабинета.

Если подумать, то с новой должностью она, Катя, будет стоять даже выше, чем эта сногшибательная секретарша.

– Сейчас подойдет HR-менеджер, – Милена нажала на кнопку пульта, и прохладная струя воздуха из кондиционера щекотно заиграла кудряшками на Катиной шее.

– Екатерина, – секретарша указала на стул, а сама, склоняясь над столом, щелкнула ручкой с фирменным логотипом, – еще одна формальность. Вы забыли указать адрес регистрации.

Глава 3. Предложение

В первом месте Кате отказали из-за отсутствия местной регистрации – простая формальность. У других компаний нашлись свои причины. Потом она снова звонила по объявлениям. Снова ходила на собеседования. После двух недель мытарств работа курьером показалось неслыханной удачей. Но и с ней Катя не справилась: не успевала развозить за день все документы. Через полмесяца – сегодня – ее уволили.

Даже после этого Катя шла с гордо поднятой головой, хотя слезы накатывали. А потом порвалась босоножка. Прокочуляв пару метров, Катя выбросила обувь в мусорный контейнер и уже босиком добрела до скамейки перед домом, аренда комнаты в котором заканчивалась завтра.

Одна.

Без денег. Без работы. Без жилья.

Без еды. Без сил.

Когда, казалось, хуже уже не станет, обрушился ливень. И, хотя он был наименьшим из зол, хлынули слезы.

Катя ревела, как плачут дети: громко, навзрыд. Она сидела на скамейке, обхватив колени руками. Дождь промочил одежду, впитался в волосы. Вода забиралась за шиворот и медленно стекала по спине, причиняя почти физическую боль.

Сквозь слезы Катя заметила, как на мутно-зеленом фоне пейзажа появилось еще одно расплывчатое пятно. Она перестала рыдать, зажмурилась, вытесняя слезы, а когда открыла глаза, уткнулась взглядом в светло-серую майку.

Без зонта. Без капюшона. Штанины джинсов, набравших влагу, тянулись по земле.

Его тоже кто-то выгнал с работы?

Ян сел рядом.

Его волосы, тяжелые и темные от воды, прилипли к шее. Янтарный загар углублял прозрачность глаз. Они казались пронзительней, ярче.

Ян протянул флягу. Катя сделала глоток, поморщилась и снова приложила емкость к губам. Отвратительная жидкость, такая же холодная, как дождь, устремилась внутрь параллельно стекающим по спине каплям. Но стало легче.

Дождь хлестал все сильнее.

Ян положил руку на спинку скамейки, словно хотел обнять Катю. Сделал глоток, протянул флягу. Катя макнула гу-

бы в горькую жидкость. Коснулась затылком руки Яна и не отстранилась, всем лицом принимая холодные капли.

Ян рассматривал ее медленно, подробно, как букашку под микроскопом. Еще утром Катя бы сжалась под таким взглядом.

– За наше короткое знакомство! – словно чокаясь, она приподняла флягу.

Дождь стихал, тонкий золотистый луч уже щекотал что-то скрытое за пятиэтажками.

– Сбегаешь?

– Ага. Возвращаюсь домой. Здесь у меня ни жилья, ни работы, ни денег.

Ян запрокинул голову точь-в-точь, как Катя. Некоторое время так и сидел, словно забыл о ее существовании. Потом смахнул ладонью влагу с лица и посмотрел Кате в глаза.

– А ты хотела бы остаться? – спросил он.

– Больше всего на свете!

– Тогда у меня есть к тебе предложение. Пойдем, – Ян встал и протянул ей руку.

* * *

Скука...

И это только начало лета.

Ян плеснул виски в широкий стакан и добавил пару кубиков льда. Бутылку закинул в морозилку.

Скука... Недаром у этого слова неприличная рифма. От такого состояния можно сойти с ума. Или спиться.

Лед быстро таял, рисуя на поверхности напитка прозрачный узор.

Вот он, Ян, стоит посреди кухни и рассматривает жидкость в стакане. Июнь. Четыре часа дня. Это почти черта.

Внезапно накатило ощущение, что воздух густой, мутный, и легкие с трудом справляются с этой субстанцией. Ян распахнул створки окна. Ветер, пропитанный дождем, хлестнул по лицу. Дышать стало легче.

Сделал глоток и поймал себя на том, что ничего не почувствовал. Ни аромата, ни игры послевкусия – за что и любил виски. С таким же успехом он мог хлебнуть воду из-под крана.

Его демон, дикий, свирепый, его лучший компаньон, спал где-то глубоко внутри, свернувшись калачиком, как домашняя тьявка.

Вот так, калачиком, обхватив руками колени, на скамейке в парке сидела девушка. Судя по дрожащим плечам, она рыдала. Но незнакомка куда больше заинтересовала Яна, когда он узнал в ней квартирантку.

Последнюю неделю – и, надо полагать, еще те три, что он отдыхал на Кубе, – девочка провела до сведения скул однообразно: исчезала рано утром, возвращалась к семи вечера и сидела взаперти в своей комнате, пока не наступало следующее утро. Пару раз они столкнулись в коридоре: ни улыбок

ки, ни взгляда в глаза. Однажды он застал ее на кухне: Катя ждала, пока закипит чайник. За это время у Яна получилась клещами – образно выражаясь – вытащить из нее имя. Еще минуту назад он даже представить не мог квартирантку бо- сиком, под дождем и в слезах.

Она хлебнула из фляги, даже не спросив, что там, и у Яна промелькнула мысль: возможно, у нее это не первая фляга. Или квартирантка тоже очень близко подошла к своей черте. Он всматривался в ее лицо, будто видел впервые. Это была другая Катя. Даже не Катя, а Кэт. С глазами настолько серыми, словно в них сгустился дождь. А сама она не чувствовала дождя, не ощущала холода, хотя ее кожа стала бледнее бледного.

Кэт больше не шарахалась от него. Пила с ним виски из одной фляги.

И вдруг она заявила, что уезжает.

Хотел ли он, чтобы Кэт осталась? Определенно, да. И у Яна уже появилась идея на ее счет.

Ян пропустил квартирантку в душ и вежливо подождал свою очередь за дверью спальни. Когда он вышел из ванной, вытирая волосы полотенцем, Кэт уже хозяйничала на кухне: заваривала две чашки чая.

Вообще-то после такого дождя просто чая было недостаточно, но Ян послушно пододвинул чашку к себе.

Кэт пила кипяток маленькими глотками. Ян рассматривал

ее, тихонько барабаня пальцами по столу. Она переделалась, натянула на худые плечи красную кофточку. Ключицы торчали, как у цыпленка. Месяц назад она не казалась такой тощей. Кэт подняла взгляд на Яна, но не выдержала ответного и опустила глаза.

Может, он все-таки ошибся? Может, и не было никакой Кэт?..

– Ты когда нормально ела в последний раз?

Кэт пожала плечами.

– Не помню. Наверное, месяц назад. Дома.

– А где твой дом?

– В Бешенковичах.

– Это хоть в Беларуси?

Кэт, наконец, посмотрела ему в глаза – с прищуром, с огоньком, как нравилось Яну.

– В Беларуси, – сухо ответила она.

Нет, Ян не ошибся. В ближайшее время ему точно не будет скучно.

* * *

После душа в голове прояснилось. Впрочем, легче не стало. Просто Катя смирилась с тем, что все кончено. Теперь осознание этого не вызывало слез. В конце концов, скоро время унижений, лишений и страха закончится, и она вернется домой, в свой привычный мир. Не любимый, не желан-

ный, но спокойный.

Подумала, наливая чай в чашку, и наполнила еще одну, для Яна.

Она впервые не боялась, что хозяин квартиры застанет ее врасплох.

Кухня была небольшая, метров десять. Мебель старая, а плита и вовсе древняя. Все вычищено до нездорового блеска. Каждый раз, пользуясь чайником – тоже древним, зеркальным, со свистком, – у Кати возникало желание стереть с него отпечатки своих пальцев.

После душа Ян пришел на кухню одетый – и то хорошо. Пододвинул к себе чашку и, задавая вопросы, долго изучал Катю. Вот по этому она точно не будет скучать. Если чей-то взгляд гладил, то взгляд Яна скреб. Как ногтем.

Ян, наконец, нашел на ее лице то, что искал, и переключился на холодильник.

– Будешь вчерашние каннеллони?

Что такое каннеллони?!

– Буду.

Ян отвернулся, чтобы поставить тарелку с едой в микроволновку, и Катя осмелилась взглянуть на него. Спокойные, расслабленные движения. Ни капли неловкости. Словно он каждый день подбирал на улице девушек.

– Поешь, – Ян поставил блюдо на стол.

Катя втянула носом воздух и невольно прикрыла глаза.

Она уплетала каннеллони, не думая, как выглядит со сто-

роны. Поднимала голову, только когда Ян сформулировал очередной вопрос. Отвечала вдумчиво, но коротко – и тотчас запихивала в рот очередной нежнейший кусочек.

– ...И никто не может тебе помочь? Родственники? Друзья? – Ян постучал пачкой о стол, вытряхивая сигарету.

Катя обреченно покачала головой.

– Как я и сказал, у меня есть к тебе предложение, – Ян прикурил и, не сводя с Кати глаз, стал вращать зажигалку между пальцами.

– Вы сможете найти мне работу? – с надеждой спросила Катя, отложив вилку на край пустой тарелки.

– Нет, – после паузы ответил Ян. – Я предлагаю тебе сыграть в игру.

Катя насторожилась.

– Под условным названием «Десять желаний», – Ян пустил к потолку струйку дыма. – Десять – мое счастливое число.

Он улыбался, и эта улыбка Кате не нравилась.

– Не понимаю.

– Суть такова: ты должна выполнить десять моих желаний. И пока длится игра – комната за мой счет.

У Кати внутри все ухнуло от обиды и разочарования. Еще минуту назад казалось, что выход найден, что сейчас все решится само собой...

Она встала из-за стола.

– Мне это не подходит.

– У тебя столько ограничений! – с легким раздражением произнес Ян. – Даже странно, что ты такая... округлая. Тебе бы больше подошла форма пенала.

Ох... как же это грубо!

Катя рванула к двери – Ян ухватил ее за запястье.

– Сядь и дослушай!

Катя осталась, но не села.

– Ты ничего не теряешь. Если что-то не понравится, выйдешь из игры в любой момент. Но если выполнишь все десять желаний, сможешь жить в этой комнате, сколько захочешь. Бесплатно.

Из этого не могло получиться ничего хорошего. Стать чьей-то рабыней за бесплатную комнату? Лучше вернуться.

В свой маленький серый город.

Чтобы жить на крошечную зарплату.

Умирать со скуки.

Знать сюжеты всех сериалов.

Каждую минуту мечтать о большем.

Завидовать знакомым, приезжающим летом в гости.

Ненавидеть себя за это.

Умереть в одиночестве через много долгих, муторных лет, потому что она никогда, никогда не найдет подходящего мужчину.

Катя опустилась на стул.

Самое главное, она могла выйти из игры в любой момент. Собрать вещи – делов-то на пять минут – и вернуться к себе.

Соглашаясь, она и в самом деле ничего не теряла.

– Раз вы так азартны, у меня есть дополнение к правилам. Я выполняю ваше желание, а вы мое. И пока вы его не выполните, игра не остановится. Это будет честно.

Ян улыбнулся.

– Договорились!

Он протянул руку – Катя крепко ее пожала. Так учат в книгах о том, как стать богатым.

– А мы можем заключить настоящий договор? Я хочу быть уверена, что вы не станете меня выкуривать... – Катя посмотрела на струйку дыма, исчезающую у потолка, – ...что ты не станешь меня выкуривать, если я выиграю. Мне нужны гарантии.

– Настоящий договор? С которым, в случае чего, ты сможешь пойти в суд? – покачав головой, Ян затаился (что, похоже, очень непросто сделать, когда улыбаешься). – С трудом могу представить такой договор. Зато могу дать честное слово.

– Оно учитывается в суде?

– Оно учитывается. Но не в суде. Я игрок и умею держать слово. Обещаю, что в случае победы ты получишь свой приз. И я не стану тебя выкуривать.

– И ты, в отличие от меня, не сможешь просто так выйти из игры. Выходишь – комната моя.

– Согласен. А ты обещаешь не таскать сюда своих друзей – вообще никого. Ни во время игры, ни после.

– Договорились, – Катя тяжело вздохнула. – У нас должны быть четкие правила. Очень подробные.

Сигарета в пальцах Яна нарисовала в воздухе замысловатую фигуру.

– Конечно. Пункт первый. Формулируя желания, нельзя говорить «никогда» и «всегда». Желания выполняются только, пока длится игра.

Катя принесла из комнаты блокнот с ручкой. Записала. Поставила жирную точку.

– Пункт второй. Нельзя рисковать жизнью игрока.

– Заметано, – согласился Ян. – Пункт третий. Нельзя отменять следующим желанием предыдущее. Пункт четвертый. Нельзя жульничать, неправильно интерпретировать желания. Пункт пятый. Желания надо выполнять в полном объеме. Шестой. Их нельзя пропускать или дарить.

– Седьмой, – подхватила Катя. – Желания должны быть выполнимыми. Нельзя просить подарить квартиру на Манхэттене, иначе на его выполнение уйдет вся жизнь.

– И ремарка: когда желание сформулировано, ты говоришь «это мое желание». После этого никакие корректировки не действуют. Пиши-пиши...

И Катя писала. Иногда они замолкали, придумывая новые условия. Катя смотрела на оконное стекло, за которым густились серые сумерки, и, когда Ян делал затяжку, видела в смутном рисунке кленов отражение вспыхнувшей сигареты, похожее на звезду. Потом звезда исчезла: Ян распахнул окно

и сел на подоконник.

Сумерки стали сиреневыми. В листьях кленов путались огни зажженных окон далеких домов. Желтые, оранжевые, голубые. Воздух, влажный, прохладный, заползал на кухню, вытесняя тяжелый сигаретный дым.

О чем думал Ян, машинально поднося сигарету к губам? Словно погружался глубоко в себя. Словно в нем и в самом деле была бездна.

А потом он вернулся. С нажимом затушил окурок – едва не впечатал в пепельницу.

– Думаю, будет честно, если последнее желание останется за мной. Так что начинай первой.

– Хорошо, – Катя заерзала на стуле. – Итак...

Что-то простое... То, чего бы мне очень хотелось...

Взгляд упал на тарелку, и Катя вспомнила, как час назад едва удержалась, чтобы не собрать пальцем оставшийся после каннеллони соус.

Ужин... Но надо мыслить логично. Сегодня наемся, а завтра буду голодной.

– Для того, чтобы играть в твою игру, нам стоит лучше узнать друг друга... – начала она.

Ян пустил к потолку струйку дыма.

– Продолжай.

– Поэтому я хочу, чтобы ты приготовил мне завтрак. Утром, – Катя замялась. – То есть ближайшим утром. Завтра.

Ян чуть склонил голову на бок. Он едва сдерживал улыбку.

– Завтра завтрак. Я понял. Это твое желание.

– Да. Такой сытный завтрак... Я должна остаться довольна, – поспешно добавила Катя.

– Это обязательное условие, чтобы желание считалось выполненным. Тот, кто его загадал, должен остаться довольным. Ты будешь довольна.

– Отлично! – Катя легонько хлопнула в ладоши. – Тогда договорились.

– Давай подытожим. Завтра я готовлю тебе вкусный и сытный завтрак, и мы общаемся.

– Да, завтрак с общением.

– Это твое желание.

– Да.

– Скажи: это мое желание.

– Это мое желание.

– Отлично, тогда до завтрашнего завтрака, Кэт.

* * *

Как-то сразу стало понятно: заснуть не получится. Он чувствовал волнение, даже трепет, которого не переживал, кажется, со школьной скамьи.

Ян поймал себя на том, что улыбается.

Воздух после дождя был нежным и бодрящим – идеаль-

ным для ночной прогулки. Яну казалось, будто он давно таскал за собой какой-то тяжелый рудимент вроде гигантского хвоста, как у тираннозавра, и сегодня вечером этот хвост отвалился. С ним произошло что-то несущественное, но этот пустяк запустил невидимый механизм, и огромные ржавые шестеренки, громыхая и скрипя, стали вращаться, наполняя энергией и жадой жизни.

Ян снова улыбнулся, легко сбежал по ступенькам к озеру. Днем здесь все было иначе. Студенты загорали, пряча пиво в пакеты. Гоняли велосипедисты. Мамы выгуливали малышню. А ночью, когда в этом летнем театре опускался занавес, сцена преображалась. Луна не плескалась на водной глади, а тонула, мутным пятном завязнув в водорослях. Орала лягушки. Набережная местами зияла выбоинами, местами уродливо щетинилась вздувшимся асфальтом. Ее освещал больничный свет пары уцелевших фонарей. Под ногами скрипело стекло.

Ян не променял бы этот ночной маршрут ни на какой другой. Здесь каждое движение, каждый шорох щекотали нервы.

Здесь было легко думать.

Но сегодня Ян не думал ни о чем. Просто шел, размашисто и быстро. Раньше он обходил озеро за три часа. В этот раз уложился в два.

Он возвращался мимо пятиэтажек с редкими зажженными окнами, по кармашкам-парковкам, заставленным авто-

мобилиями в несколько рядов, через дыру в заборе, по рынку между ребер пустых прилавков. Оставалось обогнуть стройку. Дом уже виднелся, подмигивал окном спальни Кэт.

Где-то рядом залаяла собака. Ян, не останавливаясь, обернулся, сделал еще пару шагов – как вдруг земля по-библейски разверзлась, и он провалился в открытый люк. Ни ограды, ни красной ленты.

Воды по пояс. После секундного шока стало смешно. Пришлось сделать несколько глубоких медленных вдохов, чтобы успокоиться: от каждого движения ребра, ушибленные при падении, словно пронизывало током. Даже дышать было больно – не то что смеяться.

Огляделся. До поверхности – метра полтора. Ни лестницы, ни выступов. Проверил намокший телефон. Без признаков жизни. Медленно, чтобы не провоцировать боль, достал пачку сигарет из нагрудного кармана куртки, хотя обычно носил в боковом. Повезло.

Да, с таким везением только в казино и ходить.

Усмехнулся, прикуривая. Выпуская дым, посмотрел на небо. Там висели огромные звезды, в городе их обычно не видно.

– Э!.. – попытался выкрикнуть Ян, но запнулся: в груди глубоко и протяжно заныло.

И сколько мне здесь торчать?

Звезды заслонила собачья морда, вскоре над ней появилась косматая мужская голова.

– Слышь, чувак? Помощь нужна?

Глава 4. Завтрак

Наутро волнение только усилилось. Переворачивая лопаткой квадратные тосты, Ян заметил, что его ладони дрожат. С чего бы?.. Это был далеко не первый завтрак, который он готовил женщине. Но сегодня у него неожиданно возникли вопросы. Лучше тосты с корочкой или без? Прожарить сильнее? Добавить масла?

Завтрак стал частью игры. А в игре нужна четкость, любая ошибка может повлиять на результат. И если он хотел выиграть – а он очень хотел выиграть – одной удачи было мало. Яну предстояло обыграть самого себя. Насладиться по полной, но не перегнуть палку. Дойти до предела – и остановиться в нужный момент. Игра в игре.

Эта игра не закончится, когда шарик найдет свой сектор. Игра не закончится вместе с ночью. Она может длиться бесконечно долго, пока Яну не надоест. Но для этого он должен быть внимательным, изобретательным и осторожным, потому что сам поставил одно из условий: Кэт может уйти, когда пожелает.

На другой сковороде Ян разбил яйца. Они зашкворчали, обжигая руки мелкими масляными брызгами.

В игре важно выдержать идеальный баланс, как и с желтком на огне – нужно, чтобы жар лишь слегка его прихватил,

а внутри оставил жидким.

За стенкой скрипнул диван, хрипнула оконная рама. Очень вовремя: как раз к завтраку. Ян уже начал беспокоиться, что Кэт придется будить.

Если начистоту, сегодня он проснулся слишком рано, за окном только начинало светать. Положив руки за голову, Ян перебирал в уме вариации сытных и вкусных завтраков. Еда, которую он приготовит, должна расположить к нему недотрогу, заставить ее улыбнуться, почувствовать себя комфортно. Чем больше расслабится Кэт, тем интереснее будет игра.

Что-то привычное, домашнее. И в то же время «с изюминкой». Но не романтическое. Не хватало еще подозрений в преступных умыслах. Тем более что их и близко не было: худенькое тельце Кэт вызывало лишь желание накормить.

Ян постучал о стену костяшками пальцев, ребра снова пронзила боль, которая теперь появлялась при малейшем движении: вчерашняя прогулка вышла ему боком. Не страшно. Азарт эффективнее «Кеторола».

– Кэт, у тебя от силы пять минут!

В ответ послышалось заспанное «угу».

Ян смазал тосты дижонской горчицей, сверху положил по ломтику ветчины, кружочки тонко нарезанного помидора, полил соусом бешамель, добавил лоскутки сыра и накрыл каждый вторым поджаренным тостом. Сверху возложил идеально приготовленные яйца.

– Кэт!..

Она уже стояла на пороге кухни.

Те же джинсы, что и вчера, та же красная кофточка. Волосы наспех заколоты, похоже, торопилась.

Кэт не должна быть идеальной. Идеальным должен быть завтрак.

– «Крок-мадам»! – торжественно объявил Ян, поддвигая квартирантке стул.

– Это название? – уточнила Кэт, перепутав, в какую руку брать нож, а в какую вилку.

– Да, это название, – укоризненно ответил Ян.

Он разрезал бутерброд пополам. Желток солнечной лавой стек по хрустящим тостам на белые, вымытые до скрипа, тарелки.

Кэт сделала то же самое и отправила кусочек тоста в рот. Глядя на выражение ее лица, Ян остался доволен.

– Зачем ты приехала в город? – спросил он, выполняя вторую часть желания.

– Чтобы найти работу. И поступить в универ. Я же только колледж окончила, – протараторила Катя, обмакивая в желток ветчину. Прожевала, жмурясь от удовольствия. – Потом работала – где придется. Казалось, это временно, скоро что-то произойдет, и все изменится. Но в какой-то момент я поняла, что пролетело два года и ничего не изменилось. И что вся жизнь пролетит точно также. А я хочу большего. Как все. Поэтому дождалась окончания контракта – и сюда.

– А почему ты решила, что у тебя получится?

– Потому что я сильная и смелая. И везучая.

Ян приподнял бровь.

Интересно, что из всего произошедшего она называет везением?

– Я понимаю, как это звучит. Но ведь я все еще здесь. И ем потрясающий завтрак.

Ян цокнул языком. Ей понравился завтрак. Игра началась прекрасно. Еще немного поболтают, и ему уже можно будет определяться со своим желанием. Голова трещала от вариантов, но хотелось чего-то особенного. Пока он еще не придумал, чего именно.

– А родители?

– Мой папа – водитель в исполкоме. Мама – учительница русского языка. Однажды она не смогла проверить контрольные, потому что их съели крысы. Думаю, родители будут счастливы, если я не повторю их судьбу, – Кэт собрала пальцем на вилку последние крошки и закинула их в рот. – А теперь расскажите... расскажи о своей семье.

Из миллиарда возможных вопросов она выбрала именно этот.

Ян отложил столовые приборы и тщательно вытер губы салфеткой.

* * *

Разрезая гренки на кусочки, Катя с трудом сдерживалась, чтобы не запихать их в рот руками. Очень вкусно! У нее даже мелькнула мысль, а не потратить ли на завтраки остальные девять желаний.

Она впервые за месяц выспалась. И пусть утро за окном было мрачным, душа парила где-то над облаками, там, где всегда солнечно. В спальню просачивался сладковатый аромат жареного батона и яиц. Кэт пришла по этому запаху в кухню, где хозяйничал Ян. Сегодня он превзошел самого себя. Вежливый, деликатный, внимательный и совсем не страшный. Только не покидало ощущение, что за «Крок-мадам» ей придется заплатить.

Все шло прекрасно, пока она не попросила Яна рассказать о своей семье. Он так тщательно вытер губы салфеткой, что Катя подумала: за этот вопрос ей тоже придется заплатить. К счастью, напомнила она себе, из игры можно выйти в любой момент.

– Они не стоят того, чтобы о них рассказывать, – сдержанно ответил Ян.

В любую минуту...

– Тогда я не буду довольна. А я, согласно правилам, должна быть довольна.

Ян сидел напротив нее, сложив руки в замок. Он казался опытным преподавателем, которому дерзит студентка. Занес ручку над пустой графой напротив названия предмета и думал, не поставить ли «единицу». Но нет. Этому преподава-

телю нравились дерзкие студентки.

– Ты быстро учишься, малышка Кэт.

Ей показалось, что Ян специально придумал это обращение, чтобы в следующий раз она загадала не называть ее так.

Он медленно поднялся из-за стола, поставил турку на огонь, залил в нее воду. Теперь Ян стоял к Кате вполоборота. Оставалось только догадываться, что выражает его лицо.

По кухне расплзался терпкий аромат кофе.

– Мой отец тоже водитель. Дальнобойщик. Мать... помощница по хозяйству. Убирает в чужих квартирах. Милые люди.

Ян снял турку с огня в последний момент, когда, казалось, кофейная шапка, вздохнув, прольется на плиту.

И как у таких обычных родителей мог родиться такой необычный сын? Который живет с уверенностью, что никому ничего не должен, что может позволить себе все? И готов принять любые последствия?

Конечно, дальнобойщик и уборщица...

– Наверное, моя настойчивость стала для тебя неожиданностью, – Катя прочистила горло. Такая настойчивость стала неожиданностью и для нее самой. – Иначе бы ты подготовился и соврал получше. Так что предлагаю внести еще один пункт в наш договор: не врать, пока идет исполнение желания. В общем-то, я думала, что это часть пункта «не жульничать».

Ян поставил чашки на стол и машинально потер ладонью

в области груди. Что-то происходило с ним этим утром, он даже двигался медленнее, осторожнее, словно боялся спровоцировать боль.

Спросить бы...

Но сейчас было не подходящее время для вопросов: Ян посмотрел на Катю, и от его взгляда ей хотелось сползти под стол.

– Кэт, ты делаешь нашу игру все более интересной... Согласен. Никакого вранья, – он сел за стол и медленно, с царапающим звуком, придвинул к себе чашку. – Мой отец – банкир. Он тот еще... – Ян соединил ладони в замок и сжал пальцы с такой силой, что побелела кожа. Но его голос по-прежнему звучал бесстрастно. – А мать умерла. Через год после ее смерти отец женился на моей ровеснице, редкостной стерве. Мы не разговариваем с ним больше восьми лет. Теперь ты довольна? Желание выполнено?

– Да, – вполголоса ответила Катя, поднося к губам чашку с горячим кофе. Она предпочла бы обжечься, чем смотреть Яну в глаза.

– Хорошо.

Медленно отодвинув стул, он вышел из-за стола.

* * *

Мариша была хороша тем, что всегда ждала его прихода. Наверное, она где-то работала. И уж точно выходила на

улицу. Но каждый раз, когда Ян без предупреждения являлся к ней домой, Мариша открывала дверь в боевой готовности. В зависимости от времени суток: босиком в пеньюаре или в коротком платье и туфлях на шпильках. Либо она была суккубом во плоти, либо мужчины ходили к ней постоянно, а Ян просто счастливым образом избегал с ними встреч.

Она никогда не просила денег. Но, уходя, Ян всегда оставлял пару купюр в ванной на зеркале – на пеньюары и шпильки.

Мариша недурно рисовала маслом. Портреты у нее получались особые, не точные копии людей, а словно размытые. Тягучие цветные линии. Ян всегда себя узнавал. И неизменно мог различить, мужчина изображен или женщина, подросток или старуха.

Мужских портретов, кстати, было немного, что делало более вероятным вариант с суккубом. Впрочем, версии не исключали друг друга.

Яну нравилось позировать. Вернее, ему нравилось, лежа обнаженным на шелковой простыне, смотреть, как Мариша творит. В ее движениях угадывалось направление линий, чувствовался нажим, при котором густая краска растекалась под напором кисти. Нравилось видеть взгляд Мариши, который находил в его теле столько цветов и оттенков.

Ее взгляд, кстати, был еще одним очком в пользу первой версии: рисуя, она преображалась. Сбрасывала туфли. Короткое обтягивающее платье задиралось еще выше. Длин-

ные завитые волосы лезли в лицо, и, вместо того чтобы собрать их резинкой, она откидывала пряди запястьем, но все равно вымазывала лоб и щеки то насыщенно-оранжевым, то канареечно-зеленым.

– Мне нравится рисовать тебя. Ты дикий, – говорила Мариша, нажимая на кисточку, наверное, в том месте, где у портрета было сердце.

Это ее движение вызывало у Яна щекотку в солнечном сплетении или ниже. Пару раз он подкрадывался к ней: то нежно, по-кошачьи, то стремительно, по-тигриному. Но фокус заключался в том, что наваждение вскоре исчезало, и в его руках оказывалась не демоница, а обычная женщина, раскрашенная, как попугай. Поэтому Ян предпочитал позировать.

Только сегодня он был плохим натурщиком.

Ян надел джинсы и подошел к окну. Мариша жила в доме послевоенной постройки, в мансарде на четвертом этаже. Оттуда открывался вид на изгиб реки и дома с черепичными крышами. По утрам, когда мансарду заливало солнце, а голуби, воркуя, толкались на карнизе, Яну казалось, что, живя здесь, он бы и сам начал рисовать. Но сегодня было пасмурно. Весь день – сплошная серость.

Он открыл окно, спугнув голубей, и закурил.

Мариша неслышно подошла сзади, пропустила его распущенные волосы через кольцо пальцев и резко убрала руку, наблюдая, как медовая волна разливается по плечам.

– Ты как статуя Ахиллеса. Только худой.

Ян молчал.

– Сегодня твой цвет – синий.

– Что? – Ян не донес сигарету до губ.

– Сегодня я рисовала тебя синим, – Мариша положила руки на его голые плечи и развернула к себе.

– Я больше не гогенисто-охристый? – он криво улыбнулся.

– Ты совсем другой.

Ян глубоко вдохнул табачный дым. Что она видела? Кроме того, что ей полагалось видеть?

– Я хочу сделать человеку больно. Женщине. Хотя она, в общем, ничем этого не заслужила.

А еще он очень хотел, чтобы Мариша убрала руки с его плеч. словно прочитав его мысли, она отошла в сумеречную глубь мансарды.

– Этим ты мало отличаешься от других мужчин. Но в тебе тоже есть слабое место. Есть Ахиллесова пята.

– К счастью, даже я не знаю, где она.

Ян проследил, как окурок, отскочив от замшелого ребра водосточной трубы, упал на влажную землю. Задернул шторы и шагнул к Марише.

Глава 5. Казино

Он ушел на рассвете. Застегивая на ходу рубашку, сбежал по винтовой лестнице.

Утро было чистым, прозрачным. Последние облака таяли за далекими высотками. Ни людей, ни машин. Только нежное рассеянное солнце и легкий запах близкой реки, который ветер разгонял по закоулкам крохотных дворов.

Кафе на первом этаже еще было закрыто, парень в фирменном фартуке протирал окно с внутренней стороны. Узнав Яна – частого гостя – он улыбнулся и кивнул.

Кофемашина, чихая и кашляя, нацедила напиток в чашку. Ян выбрал столик у окна и пил кофе маленькими глотками, наблюдая, как полоска тени от оконной рамы все дальше отползает от его руки.

Улица оживала. Дребезжа, пронесся трамвай. Из соседнего подъезда, позевывая, вышел седовласый старик в костюме и с тростью, держа под мышкой карманную собачонку. Терьер, изворачиваясь и скуля, просился на землю.

Ян оставил купюры на медном блюдце, сожалея, что нет копеек. Россыпь монет, отливающих охрой, оливковым, медовым, органично вписалась бы в интерьер кафе.

Возле трамвайной остановки, расставив полукругом ведра и трехлитровые банки с розами, сидела старушка, закутанная в деревенский платок.

Ян переводил взгляд с одного букета на другой, пока не заметил миниатюрные чайные розы. Капли росы на них вспыхивали и переливались всеми цветами радуги.

Идея, которая только что пришла ему в голову, была идеальной, как это утро. Как эти цветы.

– Красивые розочки, сынок, только маленькие. Возьми белые, большой бутон. И стоять будут дольше.

– Мне нужны эти. – Когда старуха склонилась над ведром, Ян остановил ее: – Доставай самые лучшие. Те, что в сумке.

– Очень красивые, самые лучшие... – бормотала старуха, заворачивая цветы в газету.

Ян, любуясь, коснулся лепестка. На пальце осталась капля росы.

Да, самые лучшие.

Он вернулся к Марише и, оставив букет в коридоре, склонился над ее ухом.

– Можно на время взять у тебя пару платьев?

Мариша ответила что-то, похожее на «мяу». Ян принял это за согласие. Он отдернул шторку, заменяющую шкафу дверь, и перелистал вешалки в поисках подходящего наряда. Пары платьев не набралось, но, по крайней мере, одно было в самый раз.

Затем Ян пересмотрел обувные коробки – не то. Заглянул под подолы платьев и извлек пару черных замшевых туфель. Проверил подошву. Здесь, конечно, он мог ошибиться.

Вытряхнул туфли из первой попавшейся коробки, положил туда замшевые. Перевесил через локоть платье и, прихватив цветы, выскользнул за дверь.

* * *

Это было самое тихое утро с тех пор, как она поселилась у Яна. Ни оглушительной музыки, ни разговоров по телефону, ни хлопанья дверей. Катя бесшумно оделась и проскользнула в ванную. Поморщилась, когда скрипнул кран: так можно испортить сюрприз.

Она развела тесто и стала печь оладьи, одними губами ругая сковородку, на которой комом получался не только первый блин, но и второй, и третий. К тому времени, как насобиралась горка золотистых оладушек, Катя уже была сыта «бракованными». Но, главное, Ян об этом не знал.

Когда распахнулась дверь кухни, Катя от неожиданности едва не выронила тарелку, которую несла к столу.

Ян выглядел обескураженным.

– О, ты уже проснулся? – Катя заулыбалась.

Судя по лицу Яна, и этот вопрос его обескуражил.

– Что-то не спалось, – после паузы ответил он, обводя взглядом кухню.

– Субботние блинчики! – объявила Катя. – В моей семье есть такая традиция: по выходным мы всегда готовим блинчики. Присаживайся!

Катя подвинула тарелку Яну, облизала жирные пальцы.

– Тебе с вареньем? Со сметаной?

– Нет, я так, – он сложил оладушку лодочкой и откусил половину. – Вкусно.

– По тебе не скажешь, – заметила Катя, пристраивая возле его тарелки большую чашку чая. Поскребла по дну ложеч-

кой. Вынула ее, оставив на столе дорожку мелких капель.

– Просто... я привык готовить себе сам, – Ян вытер руку салфеткой, медленно, палец за пальцем. – Это что? – он заглянул в чашку. – Чай? Зеленый? С сахаром?!

– Да, Ян, – Кате нравилось произносить его имя, оно приятно щекотало нёбо кончиком языка. – Я же вчера пила твой кофе, хотя терпеть его не могу. И съела бутерброд, хотя ты не обрезал у сыра корочку.

– То есть тебе не понравился мой завтрак... – словно сам себе произнес Ян и отодвинул чашку с нетронутым чаем к центру стола.

– Не то чтобы не понравился... Но были нюансы. Думаю, когда два человека живут вместе, всегда есть нюансы. С этим нужно просто смириться.

Ян набрал в легкие воздуха, но, похоже, произнес не то, что намеревался.

– Я готов озвучить свое желание, малышка Кэт.

Катя опустила на стул. Не сводя с Яна глаз, машинально вытерла руки полотенцем.

– Хочь, чтобы сегодня ты пошла со мной в казино. И сделала за меня ставку.

Катя незаметно выдохнула.

– А почему ты сам?..

– Потому что мое время еще не пришло, – с легким раздражением перебил ее Ян. – В общем, сегодня вечером ты сделаешь ставку за меня. Это мое желание.

– Ладно! – поспешно согласилась Катя и, видя взгляд Яна, добавила. – То есть, у меня в любом случае нет выбора.

– Совершенно верно, – устало согласился Ян. – А теперь я пошел спать. Снова.

* * *

Она готовит ему завтрак на его же кухне.

Она облизывает пальцы.

Она считает, что правила игры включают совместное распитие жуткого чая.

Она думает, что ее границы в этой квартире волшебным образом раздвинулись за пределы комнаты.

Как же она ошибается!

Но он не скажет ей об этом. Не испортит игру. Потому что настало время загадать свое первое желание.

Кэт, похоже, ощутила драматизм момента. В ожидании приговора опустила на стул и стала вытирать руки полотенцем. По второму кругу.

Ян расправил плечи. Приятно, что все возвращается на круги своя.

Услышав желание, Кэт облегченно выдохнула. Она решила, что ей повезло. Что желание легкое.

Бедняжка Кэт.

– А почему ты сам?.. – начала было она.

– Потому что мое время еще не пришло, – перебил ее Ян.

Может, загадать, чтоб помолчала пару недель?

– Ладно! – согласилась Кэт.

Как будто ему требуется ее согласие!

– То есть у меня в любом случае нет выбора.

Ну, наконец-то!

– Совершенно верно. А теперь я пошел спать...

А черт... Я же вроде как только что проснулся.

– ...снова, – добавил Ян.

* * *

Катя уткнулась носом в черный шифон и глубоко вдохнула незнакомый запах. Платье пахло чужим телом, а еще ванилью и ладаном. Пахло тонко и вкусно. Катю немного смущало, что оно с чужого плеча. У себя дома она донашивала наряды троюродной сестры. Но это платье пахло чужой женщиной. Ей представлялась изящная восточная красавица с персиковой кожей и раскосыми зелеными глазами.

Главное, что платье было изумительно красивым. Правда, простым: ни блесток, ни камешков, только стразы по вырезу на спине.

Катя надела платье через голову, оно легко скользнуло по телу.

Очень красивое. Чернее черного. Дорогое на вид, на ощупь и на запах.

Одно плечо оголено, через другое, сползая вниз и коль-

цом охватывая под грудью, перекинулись скрученные полоски ткани. Платье длинное, в пол. Даже при легком движении воздушные складки открывали разрез почти до бедра.

Катя покрутилась перед зеркалом, распустила волосы и приподняла их рукой. Подбородок сам потянулся вверх. Она долго провозилась со шпильками и невидимками, держа парочку наготове во рту, и заколола волосы так, как хотела.

Надела туфли. На размер меньше. Но других вариантов не было: либо босиком, либо в кедах. Единственные босоножки она два дня назад выбросила в мусорный контейнер.

Катя не сразу заметила Яна. Он стоял, прислонясь к дверному косяку, и покусывал зубочистку. Улыбка постепенно сползала с Катиного лица.

– Так не пойдет, – заключил он.

– Почему?!

– У тебя шлейка торчит.

– Потому что наряд такой, – терпеливо пояснила Катя. – Голое плечо, вот и торчит.

– Так не носят вечерние платья. Это некрасиво. Лифчик придется снять.

У Кати запылало лицо. Она машинально прикрыла грудь руками.

– Да ладно! – Ян закатил глаза. – Я же не прошу тебя пойти голой. Хотя...

– Я сниму! Выйди!

Ян послушался. Катя отвернулась к окну и, не снимая пла-

тья, расстегнула застёжку бюстгалтера.

– Можно уже? – требовательно раздалось за дверью.

– Секундочку!

Катя засунула лифчик в сумку, суматошно отвела со лба непослушные пряди, одернула платье.

– Входи!

– А это тебе в честь выполнения моего первого желания, –

Ян поставил на стол вазу с розами.

Катя ахнула. Ей никогда не дарили столько цветов. И таких красивых!

Ян отряхнул один из бутонов, сбивая воду, надломил стебель и, манипулируя шпилькой, стал закреплять его над Катиным ухом. Рукав рубашки терся о ее обнаженное плечо. Катя осторожно вдохнула. Ян пах табачным дымом, мылом и еще каким-то своим особым запахом, очень приятным, будоражащим.

– Идеально, – заключил он, любуясь своей работой.

Катя счастливо заулыбалась.

Ян продолжал удивлять. Набросил ей на плечи свой пиджак, пока они ждали такси. Машинальным движением открыл перед Катей дверь машины. Сел вместе с ней на заднее сиденье.

Это все волновало, изумляло, увлекало. Шикарное платье, розы, такси, казино. Отсутствие бюстгалтера. Вспомнив о последнем, Катя поежилась. К счастью, складки ткани прикрывали грудь в нужных местах. Об отсутствии лифчика

говорил разве что легкий румянец на ее щеках.

– Замерзла?

Кате показалось, что Ян хотел взять ее за руку.

– Нет, все нормально. Просто я ни разу не была в казино, – ответила она и отвернулась к окну.

* * *

Знакомый охранник, кивнув Яну, засмотрелся на его спутницу и не сразу открыл дверь. Двое мужчин, курившие у входа, прервали разговор и проводили Кэт долгими взглядами. Все шло по плану.

Она ходила по залу, тайком наблюдая за дамами в шикарных платьях и мужчинами в дорогих костюмах, жадно рассматривала черно-красные глянцевые стены с зеркальными вставками, лампы над игральными столами – и никак не могла насмотреться.

– Зачем ты издеваешься над девушкой? – прозвучал нежный шепот над ухом Яна.

– Это просто игра, – не сводя взгляда с Кэт, ответил он.

– Игра, в которой один из игроков не знает правил?

Ян отвлекся от своей подопечной. Мадлен, как всегда, была обворожительна. Каждый жест, взгляд, поза отрететированы настолько, что казались естественными. Щелчки затвором фотоаппарата в любой момент – и получится отличный снимок.

– Как ты догадалась?

– Она совсем из другой лиги. Не охотница. И даже не приманка. Она как пресноводная рыбка, случайно заплывшая в океан. Это не ее среда обитания.

– Рыбка может погибнуть? – с любопытством поинтересовался Ян.

– Ее съедят. Вижу как минимум трех акул, – Мадлен коснулась кончиками пальцев его щеки и уплыла.

Ян отыскал глазами Кэт. Она то и дело прятала смущенную улыбку в бокале с шампанским. Чуть склонив голову на бок, Ян наблюдал, как мужчины слетаются к его спутнице. Нет, они не были акулами. Их привлекала не кровь, а сладкий аромат юности и невинности, который беспечно распространяла Кэт. Эти толстобрюхие шмели были слепы к тому, что так быстро разглядела Мадлен. Они видели совсем другую женщину. Принимали ее смущение за кокетство. За набивание цены.

Еще пару минут...

Он остановил того, кто коснулся ее плеча.

– Она со мной.

– Спасибо! – крепко держа Яна под руку, Кэт жалась к нему, не представляя, какие чувства в нем вызывает. – Еще немного, и мне пришлось бы прятаться от них в туалете.

Они остановились у рулетки. Мажоры с жадностью следили за шариком, совершающим обороты. В этот раз вместо знакомого крупье колесо раскручивала молодая девушка. Ян

просканировал ее взглядом, ни на чем не задержался и переключился на Кэт.

– Ты знаешь, что сумма всех чисел на рулетке, на этом «чертовом» колесе, равна шестистам шестидесяти шести – числу зверя?

Наблюдая за шариком, скачущим по секторам, Кэт покачала головой.

– А сегодня шестое число шестого месяца. Так что только попробуй не выиграть, моя везучая Кэт, – зловеще-ласково предупредил Ян.

Шарик упал на сектор под номером «33». Сыграло несколько мелких ставок. Девушки, повизгивая, забрали выигрыш. Судя по мрачному лицу, их патлатый приятель был тем, кто поставил тысячу на «11» и «22».

– Это номинал в тысячу долларов, – Ян зажал в ладони Кэт желтую фишку.

– Это самая дорогая фишка?

– Нет.

Кэт нахмурила брови.

– А какая самая дорогая?

– Десять миллионов долларов. Казино «Алладин», Лас-Вегас, штат Невада, – процедил Ян. – Может, уже сделаешь ставку?

Он легонько подтолкнул ее к свету, а сам остался в тени.

– Давай, как я тебя учил.

– На черное, пожалуйста, – попросила Кэт крупье.

Ян машинально потер ладони о брюки. Жутко хотелось курить, но в его условном договоре с удачей был пункт: в казино ни сигарет, ни алкоголя.

* * *

Закусив губу, Катя раскрыла ладонь. Фишка казалась игрушечной. Простой желтый кругляш, а стоил тысячу долларов. Тысячу долларов! Это же сколько нужно работать ее маме, чтобы купить такую фишку?! А Ян был готов пожертвовать всей сумой, чтобы проверить удачу.

Шарик катился по ободу рулетки, а Катя считала.

...Если не откладывать, не платить по кредитам...

Ее ставка сыграла, Катя даже не удивилась. Она была уверена, что Ян выиграет, пусть и с ее помощью. Его удача казалась осязаемой.

– Отлично, малышка Кэт. Забирай выигрыш и пойдем.

...Если почти ничего не покупать – примерно полгода.

А еще он заставил ее снять лифчик.

– Пожалуйста, распределите всю сумму по числам: один, два, три, – Катя невинно улыбнулась крупье. За спиной раздалось разъяренное «Кэт!» – И десять. Счастливое число моего друга.

– Ставки сделаны. Ставок больше нет, – объявила крупье.

Катя слышала, как разрасталось, чернело молчание Яна, но он уже ничего не мог поделать.

Эмоции, которые подтолкнули Катю рискнуть чужими деньгами, постепенно испарились. И теперь она отчетливо чувствовала безмолвный гнев Яна. Лучше бы ей не выходить за пределы светового круга.

Шарик заметался по секторам... И она услышала выдох за спиной.

Выиграло число «10». Настоящая удача! Катя взвизгнула, сжав от радости кулаки, и обернулась, представляя, как обрадовался Ян. Может, они хлопнут ладонью о ладонь друг друга, как отлично сыгранная команда? Но Ян по-прежнему был мрачен.

– Теперь ты наконец остановишься? – спросил он.

Катя молча собрала фишки.

Ян злился, но хотя бы сдержал обещание и поделился половиной выигрыша.

В ожидании такси они вышли на крыльцо.

Катя мерзла. Потирала плечи руками, переминалась с ноги на ногу. Туфли невероятно жали. Она даже подумала, не снять ли их, но не хотела еще больше злить Яна. Он смотрел в одну точку, куда-то на тротуар пустынной улицы, словно видел там нечто зрелищное: драку или страстный поцелуй. И долго чиркал зажигалкой, прежде чем смог прикурить. Радовало лишь то, что сейчас настала не его очередь загадывать желание.

Неподалеку от входа, на углу здания, старушка продавала цветы. Катя купила охапку алых садовых роз, тонких и неж-

ных. Счастливая, вернулась.

Ян скользнул по ней взглядом и продолжил рассматривать тротуар.

– Тебе мало на сегодня цветов?

– Я выиграла в рулетку – получила деньги из воздуха. И захотела поделиться ими, – объяснила Катя, вдыхая едва уловимый цветочный аромат.

– Могла оставить чаевые крупье.

– Я хотела поделиться с тем, кому деньги действительно нужны.

– И выбрала для этого старушку у казино? Которая продает цветок по стоимости букета? – Ян усмехнулся. – Да она наверняка заходит за этот самый угол, возле которого торгует, и садится в собственный бумер. Знаешь, сколько здесь ходит таких, как ты, опьяненных выигрышем?

Катя посмотрела на букет. Теперь розы казались тусклее, стали заметнее подвявшие лепестки. Она бросила цветы возле мусорной корзины, машинально отряхнула листочки, прилипшие к рукам. На платье осталась пара мелких затяжек от шипов.

Приехало такси. Ян сел спереди. Катя смотрела на его макушку, на медь волос, вспыхивающую, когда они проезжали мимо фонарей, и думала, как же ей повезло. Не только в казино – в жизни. Встретить такого человека, как Ян. Да, непредсказуемого, жесткого, циничного, но заботливого. Он раздобыл для нее красивое платье, подарил цветы, сводил в

казино, разрешил бесплатно жить в его квартире. А взамен просил так мало.

Дома Катя достала бутон из прически и положила его на подоконник, чтобы засушить на память о замечательном дне.

Она уже надела пижаму, когда из коридора донесся голос Яна.

– Похолодало. Я принес тебе одеяло.

Кутаясь в простыню, Катя открыла дверь.

Ян хотел что-то сказать, но так и остался стоять с открытым ртом: в руке у Кати он увидел стул. Ошарашено посмотрел ей в глаза.

– Ты... – Ян еще раз подумал, прежде чем озвучить мысль. – Ты подпираешь дверь стулом?!

Катя молчала. Ну что она могла сказать?

Ян покачал головой.

– Даже не знаю, смешно это или печально. Наверное, все-таки смешно, – но он не улыбнулся. – В следующий раз, когда решишь, что я собираюсь напасть на тебя, нажми на кнопку под дверной ручкой. Это замок. Чтобы разблокировать его, просто опусти ручку, – Ян вручил ей одеяло. – Спокойной ночи.

Катя натянула одеяло до ушей.

«Регистрацию бы...» – зевая, подумала она.

Регистрация решила бы часть ее проблем. Но за такую наглость Ян и вовсе мог бы ее выгнать. Вот она выполнит десять желаний, получит право жить в этой комнате вечно,

тогда и о регистрации можно будет поговорить.

Так что загадать? И как уложиться в десять желаний? Ведь у нее никогда ничего не было, а столько всего хотелось! Увидеть город, почувствовать его. Хотя бы одним глазком взглянуть на жизнь, которую каждый день видят женщины, подобные знакомой Яна из казино. Они с Катей выглядели похоже: у обеих черные платья в пол, даже бутоны чайной розы в волосах. И в то же время они казались такими разными... Та – шикарная, роковая. Весь мир лежал у ее ног. А Катя трепетала от вида шашечек такси.

Но она своего добьется.

У нее все получится.

Я сильная и смелая...

* * *

Ян стоял у окна со стаканом виски и размышлял о том, что его квартирантке очень идут поднятые волосы. Не дурацкий деревенский пучок, а небрежно заколотые, словно наспех собранные. Когда, кажется, вынь заколку – и они стекут по плечам мягкими волнами. Этот цвет, молочный шоколад с легкой рыжинкой, красиво играл бы на ее светлой коже. Ян легко мог представить, как девушка, откликаясь на его голос, поворачивает голову анфас, и сочные локоны, вздрагивая и пружиня, скользят по ее обнаженным лопаткам...

Ян заставил себя подумать о другом.

Поставив на число, она совершила громадную ошибку. Это было очень плохо – вне зависимости от исхода игры. Если бы Кэт проиграла, Ян бы лишился значительной части денег, а везение у него сейчас хромало. Но Кэт выиграла. И это, если смотреть правде в глаза, было еще хуже. Сама того не понимая, она нарушила давний договор Яна, который нарушать не стоило. Один черт знал, какие теперь его ждали последствия.

Ночь выдалась долгой. Яну снилось, что шарик нарезал круги по рулетке, – и даже во сне он чувствовал, как звук, усиливаясь, отзывался в солнечном сплетении. А потом шарик падал: то на красное, то на черное. Пятьдесят на пятьдесят. Как у любого другого игрока. У Яна больше не было власти над рулеткой.

Утром он проснулся разбитый. Недавно постиранная наволочка пахла потом.

Глава 6. Султан

Газо исчез.

Уже три дня как он не отвечал на звонки. По словам охранника, директор не появлялся и в офисе, хотя его бумер сиял красной крышей прямо у окошка подземного паркинга. Не так давно Газо сменил квартиру, в гости не звал, так что его домашнего адреса Ян не знал. А Газо был ему очень нужен.

Три дня назад Ян привел Кэт на берег озера, чтобы она озвучила свое следующее желание. Кэт отправилась к воде «подумать», а Ян, постелив ветровку, разлегся на траве. Он поймал себя на мысли, что вывел квартирантку погулять, как домашнего питомца.

Подложив ладони под голову, Ян наблюдал, как над ним, поскрипывая и потрескивая, шевелились ветви клена. Сквозь листья просвечивали голубые лоскутки неба. Пахло одуванчиками и влажной землей.

Через запястье, щекоча кожу, полз муравей, но Ян не шевелился. Что-то было в этом моменте совершенное.

Прошел час, а Кэт все с таким же сосредоточенным видом курсировала вдоль воды.

– Придумала!

Ян нехотя приподнялся на локтях.

Кэт увлеченно кромсала батон и бросала мякиши в воду. Утки хватали их, вытягивая головы. Идти к нему она явно не собиралась.

Ян снова опустил голову на руки, закрыл глаза и, пролежав так несколько секунд, рывком поднялся.

– Ну и что ты придумала? – спросил Ян, щурясь от солнечных зайчиков, скачущих по воде.

– Хочу, чтобы ты нашел мне работу.

Ян засунул руки в карманы, качнулся на пятках.

– Хорошо оплачиваемую интересную работу, – добавила Кэт. – Это мое желание.

Ян думал, перекатываясь с пяток на носки.

– Какое у тебя образование?

– Экономический колледж. Специальность «экономист».

А еще у меня есть квалификация страхового агента и оператора ЭВМ.

– Ну-ну, здесь, куда ни глянь, всем позарез нужны экономисты из Бешенковичей.

Что-то промелькнуло в ее взгляде печальное и тяжелое.

– После колледжа я два года работала в местной газете.

Оператором по компьютерному набору.

– Тексты набирала? – Ян посмотрел на нее с жалостью. –

Два года?

– Еще каждое лето я поливала цветы на городских клумбах. Сдавала ягоды и яблоки...

Ян жестом остановил ее.

– Спасибо. Можешь не продолжать.

Кэт выглядела такой несчастной, что ему стало смешно.

– Хорошо. Я найду тебе работу, – как можно серьезнее

произнес он.

Но за три дня так ничего и не нашел.

Не так уж и много его знакомых могли бы устроить «нулевую» девочку на «интересную и хорошо оплачиваемую». Белый мог бы. Но он в свадебном путешествии где-то в Индии. Драгунский в запое. Жора недавно застал Яна со своей дочкой, пусть ей и стукнуло восемнадцать.

А Газо не отвечал на звонки.

Сегодня Ян решил дожидаться его после работы, но этот фокусник сумел превратиться в невидимку: утром Газо так и не объявился, хотя днем жалюзи в его кабинете опустились.

Ян проторчал в кафе через дорогу до вечера. Там плохо работал кондиционер, плохо пахло и плохо готовили. Едва в кабинете Газо погас свет, Ян, разминая кулаки, взошел на крыльцо офисного здания. Но ни через пять, ни через пятнадцать минут Газо не появился.

Когда стеклянные двери выпустили Наташу-Милену, Ян преградил ей путь. К тому моменту он уже чувствовал себя вскипевшим чайником, готовым выплюнуть свисток. Секретарша, в отличие от своего босса, этой встречи не ожидала. Она прижала к груди сумочку, словно Ян собирался ее отнять. Красный рот застыл буквой «о».

– Мне нужен Газо, – нависая над ней, потребовал Ян.

– Гаспар Зорапетович... – опустив глаза, начала было Милену, но Ян перебил ее.

– Передай ему, что дело не в долге!

Она стояла перед ним, жалкая, напуганная. И так вдруг муторно стало смотреть на эту использованную принцессу, так мерзко от попыток подкараулить «друга», с которым его давно связывал только денежный долг, что возникло навязчивое желание вымыть руки.

– А знаешь, – Ян достал сигарету из пачки, чиркнул зажигалкой, – лучше передай ему, пусть катится к черту, – он прикурил. – Свободна.

Все еще прижимая сумочку к груди, Милена обошла его и засемила вниз по ступенькам.

* * *

В ее семье было не принято сидеть сложа руки. Если смотришь телевизор – штопаешь дырку на колготах. Если болтаешь по телефону – нарезаешь колбасу для «Оливье». За две недели, которые прошли с начала игры, Катя уже выла со скуки. Готовить на своей кухне Ян не разрешал. Штопать было нечего. Телефонные разговоры обошлись бы в копейчку, а телевизор отсутствовал.

Поэтому Катя гуляла. Шла к железной дороге, а дальше – по шпалам, в центр города. За два часа она добредала до вокзала.

Теперь этот дворец из стекла и бетона не казался громадиной. Толпа не засасывала, как океан, а журчала ручьем. Катя привыкала к городу, город привыкал к ней.

Жуя сочное яблоко, она шла по проспекту, разглядывала витрины и вывески, заходила в магазинчики.

Благодаря выигрышу в казино, у нее появились деньги. Часть из них Катя отослала маме. Оставшуюся сумму разделила на три стопки: «неприкосновенный запас», «на будущее», «можно потратить». Она уже купила спортивный рюкзак и пестрый шелковый платок, который освежал мрачный цвет плаща, и теперь размышляла, как еще распорядить-

ся деньгами из третьей стопки. Ее фантазии прервал божественный запах картофеля фри.

Она ни разу в жизни не была в Макдональдсе.

В переполненном зале Катя почувствовала себя неуверенно. Кто-то толкнул ее локтем, кто-то встал впереди. Она дождалась своей очереди, сделала заказ и села за столик у окна. Макая картофельные стручки в кетчуп, она наблюдала за скользящими иномарками.

Когда машины тормозили на светофоре, Катя рассматривала людей в салонах. Мало кто из них просто сидел, почти каждый был чем-то занят. Мужчины разговаривали по телефону, «ловили» волну приемника, курили, выставив локоть в окно. Женщины смотрели в зеркальце, спрятанное в козырьке, копались в сумочках, играли с детьми, утопающими в автокреслах на задних сиденьях. Кате нравилась эта возня: здесь, с высоты столика в Макдональдсе, суматоха казалась упорядоченным хаосом. А если есть законы, которые им движут, значит, его можно понять.

Ее взгляд упал на окна ресторана через дорогу, и Катя перестала жевать чизбургер. Там, за стеклом, за столиками с белыми ажурными скатертями, сидели леди и джентльмены. У них были красивые прически, прямые спины и уж точно белозубые улыбки. Наверняка они оставляли на столе крупные купюры и уходили, не дожидаясь сдачи. А если вдруг засиживались допоздна, вышколенные официанты зажигали свечи на их столах.

Женщина, с которой Ян разговаривал в казино, конечно, ужинала в подобном месте.

Чизбургер вдруг потерял вкус.

Катя с трудом затолкала в себя обед. Собрала в рюкзак неиспользованные салфетки.

Дорога домой показалась длинной и тоскливой, наполненной обрывками мыслей, которые Катя не формулировала до конца, чтобы окончательно не испортить себе настроение.

В парке возле дома уже горели фонари. Катя брела по асфальтовой дорожке, потягивая через трубочку теплую колу. До подъезда оставалось рукой подать.

Она не сразу поняла, что мимо нее прошел Ян. Узнала его по рыжей гриве: других людей с такими волосами Катя не встречала. Окликнула. Он обернулся.

– Чего шастаешь по ночам? Это нехороший район, – вместо приветствия заявил Ян.

Катя поникла, как сдувшийся шарик. Села на скамейку. Ян сел рядом, нашарил в кармане куртки сигареты. Закурил, прикрывая ладонью пламя от легкого ветра.

Сидели молча. Ян курил, Катя смотрела на листья каштанов. Кое-где между ними уже проклевывались колючие зеленые плоды.

– Значит, ты экономист, – первым заговорил Ян. – То есть с цифрами у тебя все в порядке.

– Более чем! – загорелась Катя. – Я очень быстро считаю в уме!

– Двадцать три умножить на тринадцать.

– Двести девяносто девять.

Ян считал на пару секунд дольше.

– Хм... – он кивнул и выпустил струйку дыма. – Покажи ладони.

Она показала.

– Тыльной стороной.

Перевернула.

– Так... Руки красивые, пальцы длинные, шрамов нет. Устрою тебя в казино крупье. Внешность подходящая. Возраст тоже. Жаль, что иностранных языков не знаешь... Ты же не знаешь?

Катя опустила глаза.

– И вот эти опускания глаз... Прекращай, ясно? А теперь пойдем, покормлю тебя, чудик.

Чудик...

Катя подняла воротник, чтобы спрятать новенький платок.

– И не ходи здесь одна по ночам. А то некому будет выполнять мои желания.

* * *

Если подумать, это было единственное место, где Ян ненавидел бывать. Сюда он попал лишь однажды, шесть лет назад, когда его постоянная удача привлекла внимание Султа-

на – владельца сети казино, в одном из которых Яну постоянно везло. В тот раз Ян поклялся, что ему нужен лишь символический выигрыш, зато обязался временами приводить гостей, которые с лихвой компенсируют его удачу своей неудачей.

Знакомые Яна проигрывали крупно. Он еще и получал процент от скупщика, к которому отправлял «нуждающихся»: не так-то просто случайному человеку быстро найти того, кто купит его машину здесь и сейчас, ночью. Тогда встреча с Султаном прошла нормально. Но все равно остался осадок, словно вкус железа на губах.

Когда встреча закончилась и за его спиной закрылась дверь кабинета, дышать стало легче. А до этого казалось, что он может и не выйти оттуда: исчезнет в глубине какой-нибудь тайной комнаты. Яна не покидало ощущение, что здесь творятся страшные вещи. Воображение рисовало мерзкие сцены, и все они вписывались в этот кабинет с черными стенами, красно-бордовым ковром, скрадывающим звуки, тяжелыми шторами, за которыми не разобрать, какое время суток.

Теперь Ян пришел сюда сам и выбрал для этого не самое удачное время. Он давно уже не водил в казино гостей. Кроме Кэт, которая умудрилась крупно выиграть. Да еще и эта шутка с розой... Не факт, что Султану она тоже показалась смешной.

Владелец казино ждал его, сидя за дубовым столом с кри-

выми ножками. Своим видом Султан напоминал мастиффа. Тотчас же вспомнился гаденький анекдот про собаку этой породы. Ян сдержал смехок: такая вольность могла дорого ему обойтись – во всех смыслах.

– Я пришел с просьбой, – начал Ян, когда Султан указал ему на низкое кожаное кресло. Провожатый бесшумно удалился. – Одной девушке очень нужна работа. Возьми ее к себе крупье.

На обычно застывшем лице Султана изобразилось нечто, похожее на удивление.

– Мне сейчас не нужны крупье.

– Поэтому я и называю свое предложение просьбой.

Султан достал из деревянной коробки сигару, гостю не предложил.

– А я думал, для тебя все женщины – шлюхи.

Ян не сразу понял, откуда Султан мог это взять. А когда понял, опустил голову, скрывая улыбку. Кто бы мог подумать, что байка о цветах в волосах, услышанная много лет назад, окажется правдой.

– Это девушка для меня – никто. Я просто проиграл пари.

Султан отрезал конец сигары ножницами с округлыми лезвиями, между которыми вполне мог поместиться чей-нибудь палец, и смотрел на Яна. Тот взгляда не отводил.

– Хорошо, – наконец, согласился Султан, разжигая сигару длинной, как спица, спичкой. Очень медленно, даже ласково, прокрутил торец над огнем. – Приводи, посмотрим, вый-

дет ли из нее крупье, – Султан подул на зажженный конец сигары. Он вспыхнул ровным красно-оранжевым огоньком.

– У нее все для этого есть. Сообразительная. Считает мгновенно. Приятная внешность. Грамотная речь. С языками проблема, но она подтянет это дело, – на радостях доложил Ян.

– Слушай, старик, а как у тебя с языками? – спросил Султан, попыхивая сигарой.

– Английский, испанский в совершенстве. Немецкий и французский – разговорный, – сказал – и пожалел.

– Хорошо, – Султан кивнул сам себе. – Очень хорошо.

– И что ты попросишь взамен? – Ян с трудом сдерживал желание поерзать на стуле, как школьник.

– Может быть, ничего. А может, тебе придется продать мне душу, – сверкая желтыми зубами, ответил Султан и задушил сигару в мельхиоровой пепельнице в виде раскрытой ладони. – До скорого.

Спускаясь в игорный зал, Ян все думал о том, как странно Султан курил сигару. Не наслаждаясь ароматом листа перед началом действия, не задерживая дым во рту, чтобы ощутить вкус. И не оставил тлеть докуренную сигару, как это принято у ценителей. Словно весь этот процесс, включая демонстрацию ножниц для обрезания пальцев... то есть сигар, был произведен специально для Яна.

Игровой зал только начинал приходить в движение. Несколько клиентов лениво прохаживались между столами,

выбирая, за которым потратить деньги. Женщина у рулетки вела монотонную беседу с крупье. Сквозь легкую музыку проступал ласкающий ухо звук шарика, летящего по ободу.

Мадлен сидела в баре на высоком стуле, позволяя редким зрителям любоваться видом ее ног, который открывался в разрезе длинного черного платья. Заметив Яна, она приподняла бокал с мартини. Ян широко улыбнулся и склонился над бутонем в ее волосах. Так и есть, в центре искусственной розы среди бархатистых пестиков прятался черный пруттик.

– Да, Султан, совсем забыл! Когда ей прийти? – спросил Ян у бутона.

– Султан Ахмедович просит передать, что девушка должна явиться завтра к двенадцати, – сообщила Мадлен.

Некоторое время они улыбались друг другу одними глазами.

– И еще, – добавила Мадлен, когда Ян направился к выходу. – Султан Ахмедович просит напомнить, что, согласно правилам внутреннего распорядка, с того момента, как твоя протеже начнет работать в его сети казино, тебе сюда вход будет закрыт. Навсегда.

* * *

Если б заглянуть в будущее и увидеть, что она справилась...

Катю знобило. Она поднесла к губам, наверное, пятую за

вечер чашку чая.

Ей было сложно приноровиться к ритму этого города. Она барахталась, выживала, цепляясь за брошенную Яном соломинку. Но сколько это продлится? Крепкий организм, который уже много лет не поддавался ни болезням, ни простудам, начал давать сбои. «Все болезни от нервов», – говорила мама. Так как же лечиться?

Катя всем нутром ощущала ужасающую глубину океана, на поверхности которого пыталась удержаться. А еще дурноту от огромного количества выпитого чая. Кончики ее пальцев мерзли, температура пылающим жаром расплзалась по телу.

Она поставила чашку на пол, закуталась в простыню и навалила сверху ватное одеяло.

Если бы только знать, что у нее все получится, что она останется в этом городе навсегда...

* * *

Навсегда.

Яну не нравилось это слово, его отторгал тот привычный мир, в котором все менялось за считанные секунды.

Как можно *навсегда* оторвать его от казино? Уж лучше остаться без руки или ноги!

Казино было Яну необходимо. Именно это здание. Именно эта рулетка. Удача откликнулась ему, когда соблюдались

все условия.

– Так что мне нужно представить? – проник в размышления настойчивый, очень любопытный голосок Кэт.

– Представь, – продолжил Ян, расхаживая по кухне, – этот Султан ведет прослушку через цветок в прическе шлюхи – или всех его шлюх! Может, и видео пишет – с него станется.

* * *

– Какой шлюхи? – спросила Катя, едва сдерживая зевок. Она сидела на кухонном стуле, поджав под себя ноги. Озноб прошел, но желание поспать усилилось настолько, что, стоило закрыть глаза, ее начинало покачивать.

Четверть часа назад Ян едва не рухнул в коридоре, когда споткнулся о ее ботинки. Катя выскочила из-под одеяла, мигом переделась в майку и джинсы. Она думала, что Ян пьяный и, возможно, ему нужна помощь. Но он не был пьян, хотя под воздействием чего-то, несомненно, находился. Глаза горели, он безостановочно метался по кухне. На вопрос, не принимает ли он, случаем, наркотики, Ян ответил таким взглядом, что Катя поняла – нет, не принимает.

– Ну, той шлюхи, в казино, с которой я разговаривал, помнишь?

Пытаясь прикурить, Ян не видел, как выпрямилась Катя. Очень медленно, чтобы оттянуть отгадку, она складывала кусочки пазла в общую картину. Все эти мужчины вокруг

нее... Все эти сальные взгляды...

– Ты нарядил меня как шлюху? – ее лицо запылало.

Так и не прикурив, Ян замер. Потом снова принялся чиркать зажигалкой.

– За что?! – Как же ей стало тошно! Гадко – до слез!

Ян сделал глубокую затяжку и спрятал зажигалку в сигаретную пачку.

– Забавы ради. И потому что ты вынудила меня рассказать об отце.

Катя прикрыла глаза. Это было так несправедливо! Так жестоко! Она лишь пыталась поддержать разговор. Просто не знала, о чем еще спросить. Она не хотела его ранить – тогда. Теперь хотела. И физически ощущала, как в ней растет, наливается соком неизвестное ранее чувство: жажда мести.

Глава 7. Вечер правды

Вечер. Жара. Духота. Воздух серый, болезненный, с прорезью таящего закатного света. Даже из распахнутого кухонного окна, выходящего в сад, доносился запах расплавленного асфальта.

Воздух стал для Кати одним из самых неприятных испытаний в городе. Летом даже под вечер дышать было тяжело – пыль, гарь, вонь. А когда накатывала жара, город казался настоящим адом, огромным кипящим котлом. Каждый раз после прогулки по центру недавно вымытые волосы стано-

вились на ощупь сухими, как сено.

Катя растеклась по стулу, к которому прилипла, и старалась втягивать воздух маленькими порциями. Рядом стоял опустошенный кувшин с остатками лимонада, приготовленного Яном. Когда Катя пила лимонад с трескучими островками льда, жизнь казалась значительно лучше. Теперь остатки прозрачной коркой засыхали на стеклянных боках кувшина.

Даже Ян тяжело переживал жару – он не курил. Выложил пачку сигарет на центр стола, время от времени на нее поглядывал, но не притрагивался. Он принимал душ каждые полчаса, а после даже не одевался: переживал время до следующего похода в ванную, обернув вокруг бедер светло-желтое полотенце. В сумерках на фоне махровой ткани он казался смуглым, как мулат.

Больше всего сейчас Кате хотелось запереться в своей спальне, сбросить шорты и майку, на которой застиранные бабочки, казалось, умерли от жары, и распластаться нагишом на кровати в позе морской звезды. Но пока это было невозможно: Ян собирался объявить свое следующее желание. Это делало духоту еще более тягостной.

А для Яна, похоже, настало время праздника – он принялся готовить закуски: крохотные бутерброды с творогом, перемешанным с петрушкой и укропом. Часть он посыпал мелко нарезанным желтым перцем, часть огурцом, остальные – кусочками помидоров. Еще была тарелка с ломтиками сыра: ряд – молочный, ряд – желтоватый, ряд – оранжевый.

И ряд с плесенью – на него даже смотреть было неприятно. Кате Ян доверил мытье винограда и груш, хотя и поглядывал за ее действиями из-за плеча. А потом – о чудо! – она даже пригодилась в нанизывании кусочков фруктов и сыра на шпажки. Создавалось ощущение, что Ян просто держал ее при себе, только не было понятно зачем.

Завершив приготовления, Ян взял по блюду на ладонь и кивком предложил следовать за ним.

Он вошел в свою спальню, распахнув дверь ногой. Створка отрикошетила от стены и снова закрылась, у Кати перед носом. Она замерла в нерешительности. Всего-то надо было впервые войти в комнату Яна, но сердцебиение участилось. Пока она думала об этом, дверь распахнулась.

– Ты скоро?

Катя прошмыгнула у Яна под рукой.

Его спальня выглядела как временное пристанище. На полу лежал линолеум, местами стертый до дыр. С потолка свисала одинокая лампочка. В угол забился старый шкаф с антресолями, заполненными книгами, а на кровати, похоже, успело поспать не одно поколение. И посреди всего этого, на деревянной табуретке с облупившейся белой краской, стоял новенький, блестящий черными боками, выпирающий колонками музыкальный центр.

– Ого! – Катя провела по глянцевой поверхности ладонью. – Наверное, стоит целое состояние.

– Наверное. Не знаю. Мне он достался по дешевке. Воро-

ванный. Приятель подогнал.

– Ворованный? – Катя изумленно обернулась. – Ворованный?! – она не могла поверить своим ушам.

– Если бы не я, его купил бы кто-то другой. Какая разница? У меня еще и ворованный ноут есть.

Катя села на край кровати и закрыла лицо ладонями.

Это был совсем другой мир, не имеющий с ее миром ничего общего. Она выросла в семье, где никто бы не стал даже заглядывать в чужое письмо, лежащее раскрытым на столе. А Ян спокойно пользовался заведомо краденым музыкальным центром.

– Так что там, с желанием? – сквозь ладони спросила Катя.

– Сначала тост, – Ян протянул ей запотевший бокал. Там плескалось, манило прохладой и запахом муската белое вино. – За твой день рождения!

Катя опустила бокал, не донеся до губ.

– Мой день рождения первого января, ровно через полгода.

– За твой самый первый день рождения. За то, что когда-то... кстати, как давно?

– Двадцать один год назад.

– ...двадцать один год назад ты появилась на свет. Без тебя это лето было бы куда печальнее.

Ян подтолкнул ножку Катиного бокала, подначивая сделать глоток.

– А теперь мое желание. Оно очень простое, – Ян выдер-

живал интригующую паузу, Катя смотрела на него с легким укором. – Хочу, чтобы ты все время говорила мне правду.

Катя отставила бокал. Она еще не могла понять, повезло ей с таким желанием или нет.

– А разве можно загадывать долгоиграющие желания?

– Правилами это не запрещается. Ты должна исполнять такие желания, пока не закончится игра. А свое следующее можешь загадать в любой момент.

Катя задумалась.

– Невозможно говорить правду все время. Это противоречит человеческой природе. В конце концов, я могу просто забыть!

– Ладно. Всегда говорить правду, когда я попрошу тебя об этом. Так сойдет?

Катя неуверенно кивнула.

– Тогда озвучиваю. Хочу, чтобы ты говорила правду каждый раз, когда я попрошу. Это мое желание, – Ян протянул бокал. Катя машинально с ним чокнулась. – Приступаем. Ты записалась на курсы английского?

Теперь Катя поняла, к чему были такие долгие приготовления. У них же весь вечер впереди. Вечер правды. Ее правды. Ну что ж. Она готова.

– Записалась.

– Хорошо. А как продвигается обучение в казино, повелительница шарика?

– Отлично! – оживилась Катя. – Кстати, ты знал, что ша-

рик в рулетке называется спин?! А фишки – игровые чипы?!

Ян поднял ладонь, останавливая ее.

– Теперь я хочу, чтобы ты исповедалась мне.

* * *

Ян знал, что увидит дальше – словно в который раз смотрел свой любимый фильм. Кэт оставит бокал, не сразу проглотит вино, которое только что пригубила. Ее взгляд сменился с непонимающего на изумленный, а потом – гневный. Побледнеет, а затем покраснеет ее лицо. Возможны отступления в деталях, но окончание будет одно: она сдастся.

– Это... это... богохульство!

Кэт поджала губу. Теперь она выглядела обиженным ребенком.

– Ладно, – милостиво согласился Ян, хотя Кэт могла бы и выучить: он никогда не отступает, только заменяет одни слова другими. – Хочу, чтобы ты излила мне душу. Рассказала о своих самых гадких поступках. Хочу узнать о тебе всю грязь.

– Во мне нет грязи, – не задумываясь, ответила Кэт.

– Серьезно? – Ян, оставив бокал, повернул ее за плечи: в одну сторону, в другую. – И где твоя кнопка «вкл-выкл»?

– Что?..

Кэт попыталась движением плеча сбросить его ладони, не вышло. Тогда она оттолкнула Яна. От неожиданности он отпустил ее, затем легко подхватил на руки и швырнул на кро-

вать. Кэт тут же вскочила, прихватив за ухо подушку, и запустила ей в Яна, но попала в шкаф. Угрожающе звякнуло стекло антресолей.

– Если ты не андроид, если ты живой человек, в тебе есть грязь, – улыбаясь, продолжил Ян. – И я хочу о ней узнать.

Кэт закусила губу. Подумала.

– Я кое-что вспомнила.

– Слушаю.

– Когда я была ребенком, то каждое лето проводила у бабушки в деревне, – Кэт замолчала.

– Итак... – Ян прислонился к стене и заложил руки за голову. – Ты – маленькая девочка. Сколько тебе? Десять?

Кэт набрала в легкие воздуха, медленно выдохнула, рассматривая тоненькие голубые вены на тыльной стороне ладони.

– Шесть, – тихо уточнила она.

– Родители посадили тебя в машину и повезли в деревню.

– Нет, – Кэт замотала головой. – Сначала мы ехали на поезде, потом мама всегда оставалась на вокзале, чтобы вернуться в город, а в деревню меня отвозил на мотоцикле дядя Ваня. Он сажал меня в мотоколяску. До деревни было далеко, минут двадцать-тридцать езды.

– И какой он был, этот дядя Ваня?

– Высокий... Не то чтобы толстый, скорее, очень плотный.

И волосы у него были короткие, пшеничного цвета.

– И что сделал дядя Ваня?

Кэт подняла голову.

– Как ты догадался?

– Интуиция. Так что он сделал?

– Купил бабушке цыплят.

– Не понял... – Ян выпрямился.

– Двенадцать маленьких пушистых комочков. Их поселили в нашей теплице. Когда они выпачкались в земле, я их поймала, всех до единого, и искупала в ведре. Так, как умела: бросила в воду и прополоскала, – словно не слыша слов Яна, тараторила Кэт. – А потом красиво сложила в рядочек. Цыплята были чистенькие, как раньше. Я только понять не могла, почему они не шевелятся.

Кэт, наконец, замолчала. Опущенная голова, сложенные на коленях руки – весь ее вид выражал глубокую скорбь.

Тишину нарушил голос Яна.

– Ты что, издеваешься?

Но нет, похоже, она не издевалась. Влажные глаза, щеки в красных пятнах.

– Ты просил рассказать о грязи. Я вспомнила это.

Ян потер пальцами лоб.

– Это не то, что я имел в виду. Желание не выполнено.

Кэт перестала шмыгать носом.

– Тогда тебе нужно быть точнее в формулировках, – холодно произнесла она. – Я не умею читать твои мысли.

– Хорошо, Кэт. Я исправляюсь. Какие у тебя эротические фантазии? – Глаза Кэт расширились. Отлично. Теперь игра

снова шла по его правилам. – Я имею в виду те фантазии, о которых женщины и подружкам не рассказывают. Те, о которых тебе даже вспоминать стыдно. Достаточно точная формулировка?

Из окна потянуло прохладой. Ян подошел к шкафу, скинул полотенце, надел штаны и тенниску. За это время Кэт не шевельнулась. Пожалуй, она даже была в шоке. Ну и пусть. Ян и не думал, что пойдет с ней так далеко. Попросив – ладно, заставив – рассказать о грязи, он собирался не столько слушать Кэт, сколько наблюдать за ней. Но цыплята – это уж слишком.

Ян откусил канapé с рикоттой, губами стянул со шпажки зеленую ягоду винограда. Кэт по-прежнему молчала.

– По крайней мере, ты не отрицаешь, что они у тебя есть. Значит, мы на правильном пути.

* * *

Катя смотрела на Яна распахнутыми глазами.

Смеркалось. Тени растекались, смешивались с узорами на обоях, растушевывали контуры предметов. В окно дул легкий ветерок. Теперь он казался Кате ледяным. По коже пробежала волна мурашек.

– Иногда... – голос прозвучал хрипло. Катя сглотнула ком в горле. На этот раз Ян не шевелился и не говорил ни слова. – Иногда я представляю...

...Просто сказать.

Она закрыла глаза.

– Ну?... – раздался насмешливый, требовательный голос Яна.

– Незнакомку... Женщину...

Еще одна длинная пауза.

– Какая она?

– Красивая...

– Какая она? – настойчивее повторил Ян.

Катя вскочила. Она дрожала, как в ознобе.

– Да не знаю я! Не знаю! Женщина, и все!

– Ладно, – сжалился Ян. – Пойдем на кухню, мне надо покурить.

Катя безвольно потянулась за ним. Она чувствовала себя рыбой, выброшенной на берег. Не хватало воздуха. Кружилась голова. Казалось, пол уходил из-под ног. А еще Катю не покидало ощущение, что с нее стекает липкая черная жижа.

Ян усадил ее на стул. Сел рядом, закурил.

– Ладно, Кэт. Успокойся, – он протянул зажженную сигарету. – Вот, возьми, – Кэт взяла ее дрожащими пальцами. – Затянись.

Она поднесла сигарету к губам. Все так же машинально сделала затяжку. Тяжело закашлялась.

– Давай еще, только не так глубоко затягивай, – учил ее Ян, прикуривая вторую сигарету. – Станет легче.

Катя повиновалась.

Ян уже затушил свой окуроч, а с Катиной сигареты все еще хлопьями падал пепел. И она все также бессмысленно смотрела перед собой. Ян легонько тряхнул ее за плечи.

– Эй, Кэт. Приходи в себя. Ничего страшного не произошло. Просто мы не близкие люди – это да. Но близкие люди разговаривают о таком. И когда-нибудь ты будешь говорить об этом со своим мужем. Это нормально. Это сделает вас ближе.

Катя подняла на него отрешенный взгляд.

– Как... это... может сделать кого-то ближе?

– Узнаешь. Просто позже. Хочешь еще вина? – он забрал у Кати сигарету и затушил в пепельнице.

Катя покачала головой.

– Тогда, думаю, тебе лучше пойти спать.

Катя кивнула.

Не раздеваясь, она легла на кровать и долго смотрела в пустоту. Постепенно шок и воздействие вина проходили, и Катя начала ощущать, как неприятно пахнут сигаретами пальцы под ее щекой, как разгорается боль в висках. И в какой-то момент она отчетливо поняла, что не хочет просто лежать, вот так, страдая и презирая себя. А потом заснуть и то падать куда-то глубоко, то словно выныривать в надежде глотнуть воздуха.

Ян, наверное, уже видел десятый сон. Завтра он даже не вспомнит о том, что произошло. Развлекаясь, он раздавил ее, как букашку, вытер палец о салфетку и забыл об этом.

Катя взяла с подоконника засушенную розу и без стука вошла в спальню Яна. Он сидел на краю кровати, обхватив голову руками. Далекий свет фонаря разряжал темноту, выделяя его силуэт на фоне окна.

– Кэт?..

Катя подошла к нему почти вплотную и медленно, сантиметр за сантиметром, проползая взглядом по его фигуре, подняла голову.

– Теперь моя очередь загадывать желание.

– Я слушаю, Кэт.

– Хочу, чтобы ты исчез. Чтобы у меня была возможность жить без тебя, без твоей квартиры и работы, которую ты мне устроил. Хочу, чтобы ты никогда не возвращался, забыл про мое существование. Вот мое настоящее желание.

Ян не сразу ответил. Но когда заговорил, его голос прозвучал буднично.

– Жаль только, что оно противоречит правилам игры.

– Да, жаль, – согласилась Катя.

Ян улыбнулся. Он ни о чем не догадывался.

Катя вложила розу ему в ладонь. Крепко ее сжала.

– Хочу, чтобы ты познакомил меня со своим отцом. Это мое желание.

Улыбка исчезла с его лица, губы сжались в узкую полосу. Досадно, темнота скрывала его взгляд.

– Спокойной ночи, Ян.

Она вернулась в свою комнату. Закрыла дверь. И нажала

на кнопку под ручкой.

Глава 8. Папа

Такси свернуло с трассы и поковыляло по разбитой дороге.

Ян прикурил четвертую сигарету за поездку. Катя уткнула нос в ладонь. Окно со стороны Яна было приоткрыто, но табачный дым висел в салоне, как туман.

Мелькала коттеджная застройка. Где-то темнели недавно вырытые котлованы, где-то возводились фундаменты. На паре участков, заросших травой и кустарником, стояли таблички о продаже.

Под колеса с лаем бросилась овчарка. Таксист резко нажал на тормоза, взметнулось облако пыли. Пепел с сигареты упал Яну на джинсы, он выругался. Катя вжалась в спинку кресла. – Поехали, шеф, – мрачно приказал Ян и закрыл окно.

Дышать стало невыносимо, но Катя терпела.

С прошлой недели, когда она загадала желание, Ян ходил мрачнее тучи. Он разговаривал с ней односложными фразами, самой длинной из которых стала: «Ты скоро выползешь из душа?!» Мечь, несомненно, удалась. Только душу это не грело. Катя потратила желание на то, чтобы наказать Яна. За то, что все равно не исправить. Ситуация усугублялась тем, что следующее желание было за ним. То самое желание, которое он загадает после встречи с отцом – первой за восемь

лет.

От мрачных мыслей Катю отвлекли коттеджи по обе стороны дороги. Даже не коттеджи – замки. У ее родителей в Бешенковичах тоже был свой дом, но по размерам он, наверное, совпадал с кухней любой местнойвиллы.

Вот они проехали мимо очередного дворца с окнами до земли, за стеклами которых извивались лестницы. На его террасе с широким столом могла поместиться не одна семья. Из-за дома выглядывало кольцо баскетбольной площадки. И бассейн!

Наверное, Катя произнесла последнее слово вслух, потому что Ян обернулся и посмотрел на нее снисходительно, зло и с жалостью одновременно. Он был мастер на взгляды.

Машина скатилась к деревеньке, прорезала ее по сердцевине и, поплутав, подкатила к трехэтажному особняку, ослепительно белому на фоне яркого безоблачного неба. Они вышли, и такси, обогнув журчащий фонтан, скрылось из вида.

Ян направился к калитке. Катя затаилась у него за спиной. Этот дворец наседал на нее, вызывая желание медленно скрыться за поворотом вслед за такси. И кому она отомстила своим желанием?

Ян нажал на кнопку звонка. Раздалась мягкая переливчатая мелодия. Калитка, шелкнув, приоткрылась.

Взойдя на крыльцо, Ян распахнул дверь и пропустил Катю вперед. Ему пришлось легонько подтолкнуть ее, чтобы войти самому: Катя застыла на пороге. Она оказалась в просторном

холле, плавно переходящем в гостиную и кухню. Свет пробивался сквозь ветви елок и туй, растущих у дома, и кляксами, зигзагами, спиралями падал на молочные стены, кофейную плитку пола, кожаный диван и кресла цвета слоновой кости.

– Боже мой! Я, должно быть, сплю! – раздался насмешливый женский голос, а затем на лестничной площадке появилась его обладательница: длинноволосая блондинка, один в один кукла Барби, которую Катя видела в детстве у своей подруги. Даже наряды у блондинки и той куклы казались похожими: розовая маечка с серебристыми буквами и короткие джинсовые шорты.

Барби обошла Яна, разглядывая его как дорогой и весьма привлекательный товар в магазине. Провела ладонью по его груди, коснулась плеч, взъерошила волосы. Ян лишь склонил голову, уворачиваясь от ее руки.

– Закончила спектакль? Где твой Спонсор?

– В кабинете. А зачем тебе?

Ян за руку потянул Катю за собой.

– Когда вернусь, принеси мне ключи от бумера, – бросил он Барби через плечо.

– Какого такого бумера? – насторожилась красотка.

– Того, что у фонтана припаркован. *Его* бумера. Семьсот пятидесятого. Цвет «Гавана». Чего стоишь? Мне еще объем двигателя сказать?

– С какой стати мне красть для тебя ключи?! – Барби до-

гнала его на лестнице. – Он взбесится!

– Он еще больше взбесится, когда узнает, что я видел тебя в кофейне на проспекте в тесной компании с двумя патлатыми, похожими на мальчиков и на девочек одновременно. Но я ставлю на мальчиков.

– Это неправда!

– А это уж пусть Спонсор решает.

– Кретин!

– Ключи!

Ян рывком распахнул дверь кабинета и втолкнул внутрь Катю.

– Привет, па! Знакомься, это Кэт. Кэт, это Игнат Вадимович, мой отец.

Катя выдавила улыбку и пролепетала «здравствуйте».

Отец сидел в кресле у окна, заложив ногу за ногу, и читал газету. Внешне он не был похож на бультерьера, каким представляла его Катя. Скорее, на стареющего графа. Зачесанные назад темно-русые волосы. Строгие четкие черты лица. Осанистая, подтянутая фигура – насколько Катя могла рассмотреть из-за газеты. На нем была белая тенниска и серые штаны из какой-то мягкой ткани.

Игнат Вадимович отложил газету, снял очки и медленно, с усилием, поднял взгляд на сына. У Кати перехватило дыхание. Такие глаза она видела только у одного человека, и он сейчас стоял рядом с ней. Яркая зеленая радужка словно вбирала больше света, чем у других людей, а леденящая

прозрачность у самых зрачков обгладывала косточки неосторожного наблюдателя.

Кате стало не по себе – как в первую встречу с Яном. Только тогда он смотрел на нее с легким любопытством и снисхождением, а Игнат Вадимович так мастерски ее игнорировал, что впору было засомневаться в своем присутствии. Впрочем, Катя и сама предпочла бы стать невидимой: не хотелось обжечься о перекрестные взгляды.

Она заметила, как выпрямилась, напряглась спина Яна, выше стал его подбородок.

– И это все, что ты хочешь сказать мне, *сын*? – сухо, словно в горле пересохло, произнес Игнат Вадимович.

– Да, это все, *отец*, – в тон ему ответил Ян.

Но не двинулся с места.

За несколько следующих минут – или часов – никто не проронил ни звука. Было слышно, как за окном кукует кукушка и гудит ветер. Тем сильнее давила тишина по эту сторону стекла.

– Познакомились – теперь можем идти, – подытожил Ян.

– Не забудь закрыть за собой дверь, – раздалось в ответ.

Катя выскользнула из кабинета. Ян вышел следом и прислонился спиной к двери.

– Как все прошло? – шепотом спросила Барби.

Ян посмотрел на нее, словно не понял вопроса.

– Ключи! – он отряхнул ладони, будто к ним что-то прилипло. – Благодарю! – сунул брелок в карман. – А теперь,

девчонки, поболтайте. У меня еще есть одно дело.

Катя проводила его взглядом и виновато улыбнулась.

Тяжело вздохнув, Барби впервые посмотрела на гостью.

– Кофе? – без энтузиазма спросила хозяйка дома.

– А можно чай? Меня, кстати, Катя зовут.

– Марго, – холодно представилась блондинка.

Они спустились на первый этаж. Катя залезла на высокий стул и, проверяя прочность, поерзала на нем. Каменная барная стойка обожгла локти холодом.

Марго молча поставила перед гостьей кружку, бросила в кипяток пакетик с заваркой. Себе плеснула в бокал «Мартини».

– Послушай... – она запнулась.

– Катя.

– Послушай, Катя. Мой тебе совет. Если почувствуешь, что влюбляешься в него, собирай вещи и уноси ноги.

Влюбляюсь...

В кого?

В Яна?!

– Думаешь, это смешно? Считаешь, он не в твоём вкусе? И вообще ни в чьём? Думаешь, он всегда был таким... бессмысленным? – Марго смотрела на нее с сочувствием и легким презрением. – Он окончил гимназию с золотой медалью. Какие-то олимпиады повыигрывал. Даже в Японию по этой части ездил – так, к слову. Чтобы его зачислили на факультет международных отношений, он должен был сдать един-

ственный экзамен. Только Ян никуда поступать не собирался. Пошел на тестирование, чтобы родители отвязались. Поставил все ответы наобум, даже вопросы не читал. И знаешь что? Он набрал проходной балл, – Марго, хохотнув, поперхнулась напитком и прижала салфетку ко рту. – Типа подфартило!

Катина рука застыла над чашкой – невыловленный пакетик с заваркой так и торчал поплавком.

– А дальше?..

– Ну, еще полгода Ян делал вид, что учится, потом его исключили. Потом «Здравствуй, армия». Через два года вернулся – и пошло-поехало.

– Что пошло? Что поехало? – округлив глаза, спросила Катя.

– О нет, я в это не полезу! Пусть сам тебе расскажет.

Ага, возьмет и расскажет – за чашечкой кофе.

– А Ян говорит, что ты стерва, – выпалила Катя. Непривычное слово гадко коснулось губ. Катя обвела их языком.

– Он еще не знает, насколько! – глаза Барби лукаво блестя. – Спроси его о девушке с фото. Того, что стоит у него в коридоре, – Барби залпом допила вермут. – Ладно, пойду окупусь. Типа приятно было познакомиться.

Не дожидаясь ответа, Марго выпорхнула на улицу. Катя еще немного покрутила чашку в ладонях. Затем прогулялась по гостиной: покачалась в кресле-качалке, постояла перед коллекцией диковинных винных бутылок, выставленных над

камином, полюбовалась пейзажами, развешенными на стенах. Яна все еще не было. Тогда, стараясь ступать как можно тише, Катя поднялась по лестнице.

Она отыскала его по пронзительному воплю скотча. Вошла в приоткрытую дверь – и оказалась в комнате Яны. Того самого Яна, о существовании которого узнала только теперь. На кровати лежало покрывало с изображением британского флага. Из-под нее выглядывали потертые носы оранжевых кроссовок. На стене висели дипломы в рамках, постеры музыкантов, карта мира с воткнутыми красными флажками. На столе – пыльная гора тетрадей, альбомных листов и книг.

– Стой за дверью. Это моя территория, – приказал Ян, склеивая скотчем коробку размером с телевизор.

– И что ты забираешь с собой? – проигнорировала его реплику Катя.

– Одну вещь, которая не должна здесь находиться.

Ян поднял коробку – похоже, тяжелая. Придерживая ее, наспех порылся в музыкальных дисках возле компьютера, парочку прихватил с собой.

Бумер мягко покатился по дороге. Катя вдыхала запах кожаных кресел, одно из которых так податливо впустило ее в свои объятия, и все не могла оторвать взгляд от белоснежного коттеджа, увитого плющом. Она не понимала, как можно отказаться от такого. Ну как?..

Приемник зашуршал диском, и заиграла музыка: словно теплый дождь начал лупить по кленовым лапам. Музыка, после которой кажется, что сегодня будет лучший день в твоей жизни.

– Совсем не похоже на то, что ты обычно слушаешь, – удивилась Кэт. – Это блюз?

– Джаз, – нехотя ответил Ян.

– Кто поет?

– Нэт Кинг Коул.

– А композиция как называется?

Длинная пауза.

– Не знаю.

Ян и сам не понимал, почему соврал. «L.O.V.E» когда-то была одной из его любимых песен. Но он то ли не желал разговаривать, то ли не хотел глубже пускать ее в свой мир, то ли произносить слово «любовь» в крохотном пространстве автомобильного салона.

– Ты мог бы общаться со мной и повежливей. Исполнение желания прошло довольно гладко. При этом я не заставила тебя ходить без нижнего белья. И не натравила на тебя пару десятков похотливых женщин.

– Тише. Дай послушать, – Ян покачивал головой в такт музыке.

– ...Хотя для тебя, наверное, это было бы не испытанием,

а бонусом.

Ян что-то мурлыкал себе под нос, не обращая на нее внимания.

– Эй! Ничего, что я с тобой разговариваю?

– Просто немного помолчи, – вполголоса попросил он.

– Это твое желание? – ехидно уточнила Кэт.

Ян так резко нажал на тормоза, что заблокировались ремни безопасности. Он выскочил из машины, открыл дверь со стороны пассажирского сиденья и одновременно галантным и нетерпеливым жестом попросил Кэт выйти.

– Не пойду, – она вцепилась пальцами в края сиденья.

– Я просто хочу пересадить тебя подальше от моих ушей.

– Ни за что!

– Ну, тогда сама нарвалась.

Ян отсоединил ремень безопасности и взвалил Кэт на плечо. Не обращая внимания на удары кулаками по спине, он открыл багажник.

– Место для тех, кто не хочет сидеть на заднем сиденьи.

– Ян!..

– Наклони голову, а то будет больно, – Ян хлопнул крышкой багажника.

Отряхнул руки. Теперь он чувствовал себя значительно лучше.

Машина понеслась по трассе. Проклятия, которые доносились из багажника, по-прежнему мешали наслаждаться музыкой. Ян сделал максимальную громкость. Теперь оста-

лись только он и джаз.

Предстояла долгая приятная дорога. Ян нажал кнопку автотопилота и откинулся на спинку сиденья.

Глава 9. Невеста

Катю мотало по багажнику так долго, словно Ян пытался нелегально вывезти ее за границу. Сначала она барабанила чем попало о что попало и кричала погромче, но потом решила, что благоразумней будет вести себя тихо.

Долгое время машина мчалась быстро и гладко. Затем покрытие испортилось, бумер начало потряхивать.

Когда Ян резко снизил скорость, Катя подумала, не ГАИ ли его остановила. Вот если бы сотрудники автоинспекции попросили Яна показать багажник! Катя легко представила, как делает фото на мобильный как раз в тот момент, когда багажник открывается и возникает напряженное побелевшее лицо Яна. Но старенький телефон разрядился еще в начале поездки, а лицо его вовсе не казалось испуганным. Скорее, злорадным.

Он вытащил Катю из машины и поставил на ноги. Она огляделась по сторонам. Непонимающе уставилась на Яна.

– Зачем ты привез меня сюда?

– Для исполнения моего желания. Так куда нам теперь сворачивать? – Ян огляделся по сторонам. – Где твой дом?

Путаясь в ногах, Катя обошла его по кругу.

– Какого желания?

– О-о-очень простого. Хочу, чтобы сегодня ты мне подыграла.

Катя остановилась перед Яном, лицом к лицу.

– Нет-нет-нет-нет-нет! Что бы ты ни задумал – не смей! Это моя семья!

– А сегодня утром ты познакомилась с моей, – парировал Ян.

В глазах защипало. Катя огляделась, все еще не веря своим глазам. Как такое могло происходить на самом деле? Они стояли на въезде в ее поселок, прямо перед указателем «Бешенковичи». За указателем тянулся зеленый забор, а за ним – деревянные и кирпичные домики. Она знала людей, которые жили тут. С Маргаритой сидела в школе за одной партой. Вместе с Витькой поступала в колледж. У Надежды Григорьевны покупала козье молоко для папы – помогало от боли в суставах.

Это был ее мир, ее личное пространство, дорогое, хрупкое. А теперь здесь стоял Ян, который о дорогом и хрупком слыхом не слыхивал. Он приехал сюда, чтобы поглумиться над людьми, которые примут его как родного.

– Ты не понимаешь, – твердо сказала она. – Это моя *семья*. У нас совсем другие отношения. Мы доверяем друг другу. И никогда не врем.

– Тем интересней.

– Ты же придумаешь что-нибудь гадкое! – простонала Ка-

тя.

– Обязательно!

– Я серьезно! Это не тема для шуток. Моя семья здесь ни при чем.

– То есть ты отказываешься?

– Загадай что-нибудь другое.

– Нет. *Это* мое желание.

Катя застыла. Теперь по правилам игры оставалось только два варианта: исполнить желание или уйти.

– Я не пойду на это.

Ян пожал плечами.

– Ладно. Тогда пока.

Он сел в машину. Бумер тронулся.

Ни работы. Ни жилья. Ни перспектив...

Ей можно даже не возвращаться в город, просто попросить Яна отправить ее вещи по почте.

Она останется здесь, в родном поселке, в этой пыли по щиколотку. Ей не то что в ресторан со свечами, ей в Макдональдс путь заказан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.